

РЧС1(05)
с 81

А. В. Моравовъ—„Игрушки“.
Весенняя выставка 1916.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 66.

15 СЕНТЯБРЯ 1916 г.
Отд. № звезды—95 коп.

ОБЩЕНІЕ

почвъ чахотки и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія лѣванія, безсиліе, сердечная заболяванія, старческая дряхлость чать Сперминъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ гочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на название „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаний, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредная для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительные силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-въ. П. Т. Г.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Журналъ выходитъ съ 15 декабря 1913 года.
Большинство №№ за 1914 и 1915 гг., также первые десять №№ за 1916 г. полностью распроданы.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ:

въ Петроградѣ 13 руб. 50 коп.
въ Россіи 14 руб. 50 коп.
за границей 40 франк.

Отдельный номеръ—95 коп.

№ для ознакомленія высылается за 40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ:

безъ доставки въ Петроградѣ . 14 руб.
съ доставкой въ Петроградѣ . 14 руб. 50 коп.
въ Москвѣ и провинціи . . . 15 руб. 75 коп.
за границей (заказн. бандер.) . 45 франк.

Въ прошлые годы подписчики, вносившіе плату позднѣе 1 января, вслѣдствіе быстрого роста подписки, къ сожалѣнію, не получили первыхъ №№ журнала; покорно просимъ поэтому на будущій годъ подписываться возможно заранѣе, не позднѣе половины декабря, а еще лучше теперь же.

Объясненіе виѣ текста (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка понпарель ($1/4$ ширины страницы). Цѣлая страница 400 руб.

№ 67 выйдетъ 1 октября 1916 года.

РЕДАКЦІЯ: Каменный островъ 31, площ. Старого театра, соб. д. Тел. 145-25.

КОНТОРА: Невскій, 28 (д. Зингера).
Тел. 260-51 и 171-38.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

В. Л. КРЫМОВЪ.

(10-ая тысяча).

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ и ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

Въ странѣ миллиардеровъ.—Газеты и реклама.—По Вестѣ-Индіи.—Въ Пакистанѣ.—
Въ странѣ любви и землетрясений.—Кинематографъ мысли.—Странные рассказы.—
Монте-Карло.

(12-ая тысяча).

О ПРОЧЕМЪ.

О Монте-Карло и игроахъ.—Какъ меня прогналъ Л. Н. Толстой и прочее.—
Въ Южной Америкѣ.—По Сѣв. Америкѣ и Европѣ.—Кинематографъ мысли.
Выписзывающимъ въ складѣ изд. „Столицы и Усадьбы“, Петроградъ,
Невскій, 28—пересыпка бесплатно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНИИ.

Вышелъ изъ печати иллюстрированный каталогъ художественныхъ изданій Общины св. Евгени Краснаго Креста, съ 1896 г. по 1915 г.

Дѣло художественныхъ изданій Общины св. Евгени находится подъ ближайшимъ руководствомъ Комиссіи, состоящей изъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ; съ самаго основанія этого благотворительно-издательского дѣла въ немъ принимаетъ ближайшее участіе И. Е. Рѣпинъ, давшій для каталога въ годъ своего юбилея автопортретъ съ автографомъ. Комиссіей за девятнадцатилѣтній періодъ выпущено около 7000 разныхъ сюжетовъ открытыхъ писемъ, въ числѣ которыхъ имѣются: посвященные значительнымъ историческимъ событиямъ; снимки съ картинъ и сокровищъ Дворцовъ, картинъ Эрмитажа, Музеевъъ столицъ, Романовской галлерей (около 80 картинъ въ особомъѣ); архитектурные памятники Россіи, обращено особенное внимание на картины старыхъ мастеровъ; изданы снимки съ рисунковъ, бывшихъ на выставкахъ „Кружка любителей изящныхъ русскихъ изданій“, иллюстрирующихъ русскую жизнь въ эпоху Отечественной войны и портреты русскихъ женщинъ въ гравюрахъ и литографіяхъ и т. д.

Современные художники, не взирая на направлениія, находятъ совершенно беспристрастное отраженіе своей дѣятельности въ изданіяхъ Общины. Такъ, напримѣръ, изданы кустарные игрушки въ акварельныхъ композиціяхъ Ал. Ник. Бенуа; „Четыре времени года“ и „Дни недѣли“—въ акварельныхъ рисункахъ К. А. Сомова, много вещей Врубеля; портретъ Айседоры Дунканъ, исполненный съ натуры по заказу Комиссіи Л. С. Бакстомъ. Эти работы исполнены исключительно для открытыхъ писемъ Общины св. Евгени.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНИИ:
въ Петроградѣ главный и для иногороднихъ, Пески, Старорусская, 3.
Община св. Евгени. Городской: Петроградъ, Морская, 38. Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Тверского подворья.

ПОЧЕМУ НѢТЬ ВЪ ПРОДАЖѢ АВТОМОБИЛЕЙ „ВОКСХОЛЪ“?

Каждый автомобиль, выпускаемый фирмой „Воксхоль“, запрограммировано Английскому Правительству для нужд Генерального Штаба Армии.

Количество автомобилей, выпускаемых сегодня фирмой „Воксхоль“, превзошло таковое за все время существования завода.

Все автомобили „Воксхоль“, поставляемые Британскому Генеральному Штабу Армии, одинаковые по типу съ тѣми, которые продавались въ Русскомъ Отдѣлениі О-ва до войны.

Поэтому въ настоящее время, какъ и до войны, заводы „Воксхоль“ заняты работами по производству открытыхъ и закрытыхъ автомобилей высшаго качества, и немедленно по окончаніи войны представится возможность поставки клиентамъ въ Россіи автомобилей „Воксхоль“ со всѣми новѣйшими усовершенствованіями.

Автомобильное Общество Воксхоль
Невскій пр. № 21.

МОСКОВСКІЙ ИНСТИТУТЬ ВРАЧЕБНОЙ КОСМЕТИКИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

Москва, Тверская, д. 33.

Телеф. 260-10.

Задачи Института предложить в распоряжение публики все средства для ухода за красотою лица и тела, для ее укрепления и сохранения. Институт обладает соответствующими аппаратами и приспособлениями для электролиза, электротехнического и вибрационного массажа, электрическими, паровыми, суховоздушными и светодиодными ваннами, душами. Удаление розеа кожи, морщин, прыщей, угрей, веснушек, загара и проч. недостатков.

Синусоидализация вялой кожи. Удаление оспенных знаков.

МАНИКЮРЪ.

Лечење выпаденія и др. болѣзней волосъ.

Химико-бактериологическое и микроскопическое изслѣдованіе волосъ.

Пріемъ врачами специалистами.

Проспекты высыпаются бесплатно. Телеф. № 260-10.

Институтъ помѣщается: Тверская, д. № 33, бывш. Полякова, рядомъ съ д. ген.-губерн.

Институтъ открытъ отъ 10 час. утра до 6 час. вечера.

Въ скоромъ времени откроется отдѣленіе Института въ Ялтѣ: Набережная,
Екатерининская улица, рядомъ съ магазиномъ Т-ва А. М. Остроумова.

ПРАВЛЕНИЕ:

Петроградъ,
В. О., Николаевская
набережн.
№ 19/2.

ОТДѢЛЕНИЯ:

Архангельскъ,
Троицкій пр.
№ 82 и въ
друг. городахъ.

АГЕНТСТВА:

Москва,
Старая пл.,
Грузинский
пер. № 4 и
въ другихъ
городахъ.

Требуйте
проспекты.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛІНІЯ
РУССКАГО ВОСТОЧНО-АЗІАТСКАГО ПАРОХОДСТВА.

АРХАНГЕЛЬСКЪ—НЬЮ-ЙОРКЪ И ОБРАТНО.

Безъ остановокъ въ пути и безъ захода въ промежуточные порты.

Единственное прямое сообщеніе между РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ
на быстроходныхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ

„ЦАРЫ“, „ЦАРИЦА“, „КУРСКЪ“ и „ДВИНСКЪ“.

Профѣздъ продолжается 12—14 дней. Пароходы отходятъ каждые 11 дн.

...Потому француженки и одѣты всегда
лучше насъ, что онѣ понимаютъ значение
корсета. Мы ищемъ только хорошую порт-
ниху, корсету придаємъ мало значенія, а
никакое платье не будетъ шикарно безъ
умѣло сдѣланнаго корсета...

— Умѣніе одѣваться на половину за-
ключается въ умѣніи найти „свой корсетъ“...

Литейный 45.

Тел. 438-40.

КОРСЕТЫ

МАРКУСЪ ЗАКСЪ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 66.
ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ
СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

15 СЕНТЯБРЯ 1916 Г.
ПЕТРОГРАДЪ.

ДИКАНЬКА,

имъніе князя Викт. Серг. Коцубея.

Имѣніе „Диканька“ Полтавской губ. и уѣзда принадлежитъ уже съ XVII в. роду Коцубеевъ. Въ настоящее время владѣетъ имѣніемъ князь Сергій Викторовичъ Коцубей, главный управляющій Удѣловъ.

Не сохранилось, къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ, на какомъ мѣстѣ была построена первоначальная усадьба—на томъ ли, гдѣ теперь выстроены новый домъ. Большинство другихъ построекъ усадьбы возведены въ началѣ XIX столѣтія. Точно даты также не установлены.

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ получили свое название, понятно, отъ этой же усадьбы и села. Село почти рядомъ съ усадьбой, только перейти черезъ гору, и въ этомъ селѣ до сихъ поръ сохранилась старинная каменная церковь, которую описывалъ Гоголь въ своей „Ночи подъ Рождество“. Именно ее расписывалъ кузнецъ Вакула и въ ней же казаки въ притворѣ показывали дѣтямъ намалеванного черта—„глянь кака кака намалевана“...

Усадьба Гоголя граничитъ съ „Диканькой“. Н. В. Гоголь постоянно бывалъ въ „Диканькѣ“, состоя въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Коцубеевъ. „Диканька“, какъ и рядъ другихъ русскихъ усадебъ, въ то время была малень-

кимъ культурнымъ центромъ, куда привлекало не только Гоголя, но и другихъ писателей и интересныхъ людей той эпохи. Къ сожалѣнію, домъ въ усадьбѣ Гоголя, тотъ старый деревянный небольшой домъ, въ которомъ жилъ Н. В., недавно сломанъ.

* * *

„Про Диканьку, думаю, вы наслышались вдоволь“ —увѣренно обращался къ читателямъ пасѣчникъ рудый Панько, начинавший свои „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. — „И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасѣчника куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщете такого“.

Не одно завѣтное преданіе русской исторіи и литературы связано съ Диканькой. Становится она известной съ середини XVII в., и долго ея нивы орошались польской, украинской, татарской шведской, русской кровью. Почти два съ половиною вѣка ею владѣетъ родъ Коцубеевъ.

Диканька—„гоголевскія мѣста“, „Гоголевщина“. Здѣсь великий писатель испыталъ первыя впечатлѣнія, навѣваемыя природой, узналъ языкъ и душу народа. Въ двадцати пяти верстахъ отъ Диканьки находится родовое имѣніе Гоголей Яновщина (Васильевка), гдѣ протекло детство писателя, но родной для него была и Диканька. Передъ читателемъ во всей округѣ образомъ Николая Чудотворца въ диканьской Николаевской церкви, стоящей въ величавомъ, старомъ дубовомъ лѣсу, Марія Ивановна Гоголь молила Бога послать ей сына и дала обѣтъ назвать его Николаемъ. Сюда и впослѣдствіи часто приѣзжали яновщинские паны на богомолье, иногда „по усердію“ совершили путь „апостольскими стопами“. Обаяніе святыни сливалось съ обаяніемъ природы и поддерживало то высокое духовное на-

Дорога въ Диканьку—знаменитые дубы.

Перепечатка безъ указанія
источника воспрещается; пе-
репечатка группъ и портрет-
товъ вообще воспрещается.
Законъ 20 марта 1911 года.

Оленникъ въ Диканькѣ.

Диканька. Одинъ изъ знаменитыхъ дубовъ-великановъ, воспѣтыхъ еще Пушкинымъ.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“.—Снималь Я. В. Штейнбергъ.

Диканка. Фасадъ главнаго дома.

Цвѣтникъ въ саду, вдали—прудъ; по-
срединѣ газонный гербъ князей Кочубеевъ.

строение, которое отличало семью, давшую миру Гоголя.

Мнительная Мария Ивановна Гоголь однажды писала сыну, что будто бы „князь Кочубей мѣрял нашу землю“, и у нея возникло подозрѣніе, не собирается ли могущественный сосѣдъ, предсѣдатель Государственного Совѣта, оттягать Яновщину. Сынъ отнесся къ этому нелѣпому извѣстію хладнокровно и, сказавъ нѣсколько словъ по адресу мѣстныхъ олуховъ, собственные языки которыхъ можно мѣрять аршинами, успокоилъ матеръ: „велика важность, что князь Кочубей мѣрял нашу землю! Пусть онъ хоть всю ее помѣстить у себя на планѣ. Мы можемъ помѣстить его Диканьку у себя на планѣ. Все это вздоръ..“

Яновщинскій помѣщичій домъ, въ которомъ прошли дѣтскіе годы Гоголя, потолки и стѣны которого онъ самъ впослѣдствіи расписывалъ, уже не существуетъ, и вся гоголевская усадьба распланирована по-новому, исчезъ и тѣнистый

Диканька. Уголокъ кабинета княгини Елены Конст. Кочубей.

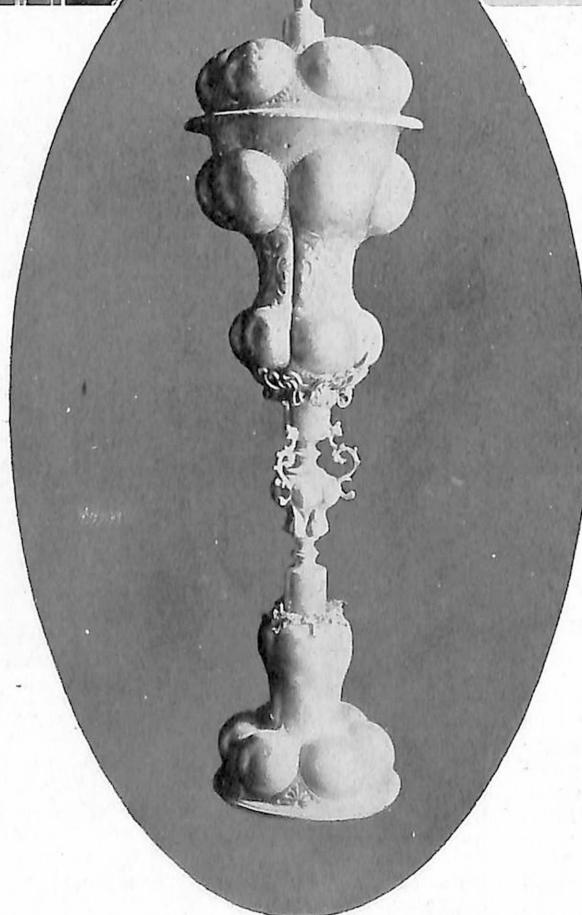
старый садъ, но въ Диканькѣ любящая заботливость и богатство Кочубеевъ сохранили все какъ было въ оные дни, и цвѣтутъ и шелестятъ могучіе дубы, подъ которыми когда-то бѣгалъ маленький Никоша Гоголь.

Пушкинъ воспѣлъ ихъ въ „Полтавѣ“:

Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ,—
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынъ внукахъ говорятъ...

Эти „друзья“, „праотцы“—генеральный войсковой писарь Василий Леонтьевичъ Кочубей и его родственникъ полковникъ Искра, обличители Мазепы. Не будемъ разбираться въ подробностяхъ слишкомъ общезвѣстной исторической и романтической трагедіи, которая связана съ этими именами. Все въ Диканькѣ говорить о безвинно погибшемъ страдальцу Кочубею, о коварномъ измѣннику Мазепѣ, о несчастной Матренѣ Васильевнѣ—опоэтизированной легендою Маріи. До сихъ поръ показываются въ Диканькѣ „мазепиніе дубы“, почти пяти сажень въ обхватѣ,—подъ ними будто бы происходили свиданія Матрены съ гетманомъ, хотя мѣсто дѣйствія романа почти съ полной увѣренностью можно ограничить Батуриномъ, гетманской столицею. Неподалеку отъ Диканьки, въ Старыхъ Будищахъ, въ женскомъ монастырѣ, нынѣ не существующемъ, говорятъ, кончила свои дни Матрена Васильевна, въ иночествѣ Евфросинія, но и это преданіе ничѣмъ не подтверждается. Какъ величайшая родовая святыня, хранится въ диканьскомъ помѣщичьемъ домѣ сорочка В. Б. Кочубея; тамъ же—рядъ реликвій эпохи Петра Великаго и шведской кампаніи и большая библіотека, богатая рукописями и книжными рѣдкостями.

Прекрасна тамошняя природа, и славится красотою населеніе. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Диканьку посѣтилъ покойный историкъ южной Россіи А. И. Маркевичъ. „Я восхищался“—разсказываетъ онъ въ одной замѣткѣ о князѣ В. П. Кочубеѣ,—красотою мѣстности, но не могъ не обратить вниманія и на красоту диканьскихъ крестьянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; даже старики и старухи отличались стройностью фигуръ и пожалуй своеобразной красотою. Когда я сообщилъ о своемъ наблюденіи управляющему, тотъ объяснилъ мнѣ, что, по преданію, покойный князь, любя Диканьку и часто занѣжая сюда, непремѣнно желалъ видѣть въ ней красивое населеніе, поэтому всѣхъ некрасивыхъ парней переселялъ, а дѣвушекъ

Диканька. Одинъ изъ фамильныхъ кубковъ; подпись на немъ:
„Съ величіемъ гдѣн-царя Ивана и Петра алеѣѣнічокъ
пожалованъ конъ, зап., енералномъ инсарѣ
Василию Кочубею, рокъ ахъ въ генчѣ: лѣ дна.“

выдавалъ замужъ въ другія свои многочисленныя имѣнія, хорошо обставляя ихъ материальное положеніе, и, наоборотъ, вездѣ въ нихъ выбиралъ красивыхъ парней и дѣвушекъ и переселялъ въ Диканьку...

Насколько это вѣрно—я, разумѣется, сказать не могу; но я такого красиваго населенія, какъ въ Диканькѣ, не встрѣчала нигдѣ,

была двумя годами моложе поэта и жила тогда въ Царскомъ Селѣ. „Едва ли не она была первымъ предметомъ любви Пушкина“, писалъ одинъ изъ его товарищѣй. Къ ней относится стихотвореніе „Измѣны“, и несомнѣнно она фигурируетъ въ „Донъ-Жуанскомъ спискѣ“ Пушкина подъ именемъ „Натальи I“; впослѣдствіи она была замужемъ за графомъ А. Г. Строгановымъ, министромъ

Диканька. Музейная комната.

а во времена крѣпостного права и не такія затѣи были возможны". (Вообще эта оригинальная „калипедія“ была въ духѣ почтенной старины: такъ Фридрихъ Великій слѣдилъ за браками своихъ рослыхъ красавцевъ-гвардейцевъ и самъ подбиралъ имъ женъ).

Пѣвецъ „Полтавы“ въ свои лицеисткіе годы одно время увлекался дочерью этого Кочубея, Виктора Павловича, съ 1799 г. графа, съ 1831—князя, графиней Натальей Викторовной, которая

внутреннихъ дѣлъ, .потомъ новороссійскимъ генераль-губернатормъ. Имя Диканки и связанныя съ нею преданія могли быть известны Пушкину гораздо раньше, чѣмъ началось его знакомство съ историческими источниками и вообще съ литературной традиціей, раньше, чѣмъ побывалъ онъ на югѣ.

Н. Лернеръ.

КАРИКАТУРЫ ЛЬВА ВАКСЕЛЯ.

Карикатура, извѣстная еще и въ памятникахъ Египта, и въ эллинистической эпохѣ греческаго искусства, проявившися и въ романскомъ, и въ готическомъ періодѣ,—получила развитіе въ западной Европѣ особенно въ годы реформаціи и затѣмъ съ конца XVI вѣка стала завоевывать себѣ все болѣе и болѣе видное положеніе, постепенно переходя отъ церковныхъ темъ къ политической борьбѣ, къ бичеванию общественныхъ нравовъ, къ высмеиванію тѣхъ или иныхъ историческихъ личностей, къ сюжетамъ, затрагивающимъ семейный укладъ, современные явленія литературы и театра, къ лобзанію дня и проч.

Голландія, Франція, Англія и Германія были колыбелью этой новой карикатуры, которой дали значительный толчокъ вперед Хогартъ, Джильрей и Роуландсонъ.

Русская карикатура, вначалѣ сплошь заимствованная и лишь подѣлавшаяся къ роднымъ обычаямъ (напр. „Шемякинъ судъ“, „Мыші кота погребаютъ“ и др.), сдѣлалась самостоятельной только въ первой четверти XIX вѣка, благодаря А. Венеціанову и И. Теребеневу, зарисовавшимъ комическая сцены походной жизни въ Россіи Наполеона I.

Въ промежуткѣ между дѣятельностью этихъ художниковъ и выдающимися работами сатирика-жанриста П. А. Федотова выявилось прекрасное дарование Льва Николаевича Вакселя (1811—1885 г.).

Л. Н. Ваксель былъ сперва офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, потомъ, будучи контуженъ при Остроленкѣ, вышелъ въ отставку, отдавая весь свой досугъ охотѣ, литературѣ, рисованію и обширной перепискѣ съ С. Т. Аксаковимъ, И. С. Тургеневымъ и Фетомъ, которые очень его цѣнили.

Литературный его трудъ „Карманная книжка для начинающихъ охотиться съ ружьемъ и легавой собакой“ (1856 г.) выдержала пять изданій и пользовалась большой популярностью не только въ кругу специалистовъ, но и среди обыкновенныхъ читателей, такъ какъ легкъ, образный языкъ ея настолько-же увлекательенъ, какъ и „Записки ружейного охотника Оренбургской губерніи“, принадлежащіе перу С. Аксакова.

О нихъ такъ писалъ Л. Н. Ваксель: „Аксаковъ до того искусно представилъ портреты птицъ, такъ вѣрно описалъ нравы и привычки, даже сумѣлъ показать, какъ нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ, что, читая его книгу, не только видишь птицу, но слышишь ея полетъ; такъ-бы, кажется, по ней и выстрѣлилъ. Одинъ охотникъ пресервѣзно увѣрялъ, что его легавая собака тинеть и стонть надъ Записками Оренбургскаго охотника“. С. Аксаковъ по этому поводу отвѣчалъ Л. Вакселю 9 июня 1856 г.: „Откровенно вамъ скажу, что никакія похвалы моей книгѣ не были мнѣ такъ пріятны, какъ ваши строки. Онъ показали мнѣ, какъ охотники цѣнятъ мою книгу, помнить ее, говорить о ней. Вотъ все, что могъ желать. Стойка

собаки надъ моими ружейными записками—самое поэтическое выражение, самая высшая похвала. Отъ всей души благодарю охотника, сказавшаго эти дорогия для меня слова, и вѣсъ, напечатавшаго ихъ. Минъ почему-то кажется, что вы-же сами ихъ сказали. Нѣтъ никакого сомнѣй, что книжка ваша—современный, серьезный и полезный подарокъ для охотника, что она написана понятно и проникнута чувствомъ истиннаго охотника. Книжка ваша имѣть одинъ и большой недостатокъ: она слишкомъ сжата, слишкомъ коротка".

Карикатурами Л. Ваксель началъ заниматься съ 30-хъ годовъ. Въ обширномъ музѣ и архивѣ его семьи хранится богатый запасъ этихъ художественныхъ работъ, въ большинствѣ случаевъ исполненныхъ карандашомъ и лишь изрѣдка перомъ или красками.

Изображая какое-нибудь извѣстное лицо и умышленно подчеркивая его смѣшныя особенности, онъ всегда оставался изумительно портретистомъ-рисовальщикомъ.

Излюбленной темой для его карикатуръ служили современные ему обыватели, вращавшіеся въ свѣтскихъ и дѣловыхъ кругахъ стараго Петербурга.

Подчасъ онъ любилъ къ очертаніямъ животныхъ присоединять головы общественныхъ дѣятелей, и въ этомъ отношеніи по своему таланту можетъ быть вполнѣ приравненъ къ художнику-юмористу цвѣтущаго периода германской карикатуры А. Оберлендеру.

Разматривая папку съ карикатурами Л. Н. Вакселя, невольно останавливаешься на нѣкоторыхъ изъ нихъ и вспоминаешь эпизоды, связанные съ ними, изъ далекаго прошлаго.

Вотъ акварельный рисунокъ—шаржъ, представляющій въ старости одного шутника Павловской эпохи, который, въ бытность свою еще молодымъ человѣкомъ, заспорилъ какъ-то съ товарищемъ, что дернеть за парикъ высокопоставленную особу. На дежурствѣ во дворцѣ, во время какого-то торжественнаго выхода, онъ дѣйствительно воспользовался удобной минутой и исполнилъ свое намѣреніе.

Сверкнулъ, конечно, гнѣвный взоръ; но молодой шутникъ не растерялся.

— Паукъ былъ на парикѣ,—почтительно доложилъ онъ, зная, какъ высокая осoba ненавидитъ пауковъ.

— А, благодарю!—послѣдовалъ милостивый отвѣтъ.

Далѣе въ карикатурахъ изображены родственники жены художника,—Александъръ Плат. Платоновъ, бывшій десятки лѣтъ царскосельскимъ предводителемъ дворянства, тотъ самый, что при Николаѣ I говорилъ о желательности освобожденія крестьянъ, а при Александрѣ II—о необходимости созыва земскаго собора, и Валерьянъ Плат. Платоновъ, бывшій министромъ польскихъ дѣлъ.

Полны экспрессии мазурка 30-хъ годовъ, гдѣ, очевидно, тоже схвачены живыя лица, и фигуры сидящаго за роялемъ піаниста со стеклянными глазомъ и деревянной ногой и гуляющаго въ на-кидкѣ съ папиросой въ зубахъ отца писательницы О. А. Новиковой-Кирѣевой.

Великолѣпны типы провинціальныхъ помѣщиковъ добраго стараго времени, съ чисто гоголевскимъ налетомъ: 1) г. П. изъ Тамбова, „до 80 лѣтъ ни разу не умывавшійся“, какъ гласитъ ядовитая надпись на обратной сторонѣ карикатуры, 2) другой землевладѣлецъ съ оригинальнымъ гербомъ, соединяющимъ кнутъ со счетами и денежными мѣшками, и съ изображеніемъ на животѣ

географической карты Тамбовской губерніи и 3) г. М.-Д., прѣхавшій изъ Подольской губерніи въ Петербургъ на двѣ недѣли, но оставшійся въ немъ до 80-лѣтняго возраста,—большой жуиръ, сумѣвшій стать habitue во всѣхъ великосвѣтскихъ салонахъ столицы.

Забавенъ карикатурный портретъ одного петербургскаго купца, который вѣрилъ въ предразсудокъ, что не слѣдуетъ сниматься, такъ какъ было убѣженіе въ томъ, что умретъ черезъ нѣсколько дней послѣ получения своей фотографіи. Л. Н. Ваксель сыгралъ съ нимъ шутку, имѣвшую, однако, печальный конецъ. Во время обѣда у пріятеля, А. П. Милюкова, историка русской поэзіи, гдѣ присутствовалъ, между прочимъ, и этотъ купецъ, онъ зарисовалъ его и затѣмъ незамѣтно положилъ рисунокъ подъ его тарелку. Коммерсантъ страшно взъяснялся и, дѣйствительно, по странной случайности, на третій же день послѣ этого события скончался.

Одинъ изъ монаховъ, пользовавшихся извѣстностью въ салонахъ 30-40-хъ годовъ, представленъ съ туловищемъ и хвостомъ козла, а одинъ изъ пажей изображенъ охотничьей собакой.

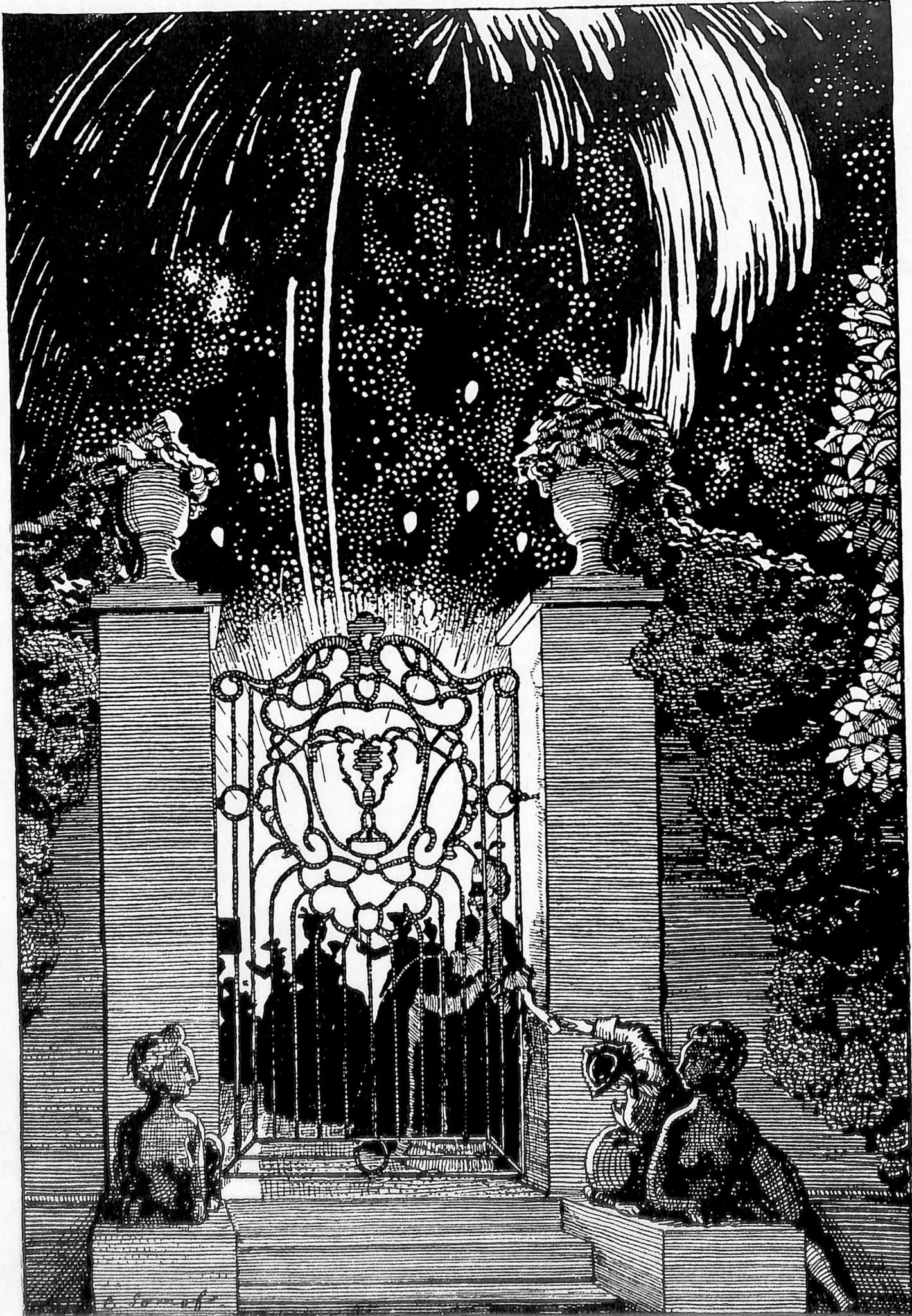
Братъ художника, Влад. Ник. Ваксель, также отличался дарованіемъ карикатуриста и, не имѣя правой руки, съ одинаковой ловкостью владѣлъ лѣвой, такъ что рисунки его нисколько не страдали отъ этого физического недостатка, поражая мѣткостью бѣглыхъ штриховъ. Въ нихъ не было, правда, того правильного рисунка, что у Льва Вакселя, но замѣчалось умѣніе передавать въ нѣсколькихъ линіяхъ характерные черты изображаемаго лица. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ позднѣйшимъ карикаторомъ, рано умершимъ А. Густавсономъ.

Скончался Л. Н. Ваксель 74 лѣтъ и похороненъ въ фамильномъ склепѣ въ Пожайско-Успенскомъ монастырѣ, въ 9 верстахъ отъ Kovны, тамъ же, гдѣ и свойственникъ его, А. Ф. Львовъ, авторъ русскаго національнаго гимна. Этотъ монастырь—прекрасный архитектурный памятникъ XVII вѣка, построенный итальянскими мастерами, вызванными польскимъ магнатомъ Пацомъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Карикатура на тамбовскаго помѣщика; гербъ, соединяющій кнутъ, счеты и денежный мѣшокъ; на животѣ карта Тамбовской губерніи...

„Фейерверкъ“, рис. К. Сомова.

(Изъ сборника „Книжка для чтенія Маркизы“).

„КНИЖКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ МАРКИЗЫ“.

Творчество Сомова соединяет исключительную сложность скавшихся въ немъ стилистическихъ влійий и отраженій съ мастерствомъ самостоятельнымъ и очень личнымъ. Его идилии, маскарады и арлекинады XVIII вѣка носятъ печать самобытнаго творчества. Пусть ихъ мотивы и аксессуары заимствованы отъ художественныхъ (теченій) прошлого, но эти драгоценныя „échos du temps passé“ пережиты и возсозданы вновь. Сомовъ въ противоположность нѣкоторымъ своимъ сверстникамъ не археологъ и компиляторъ, а фантастъ, отличенный безпрѣмѣрной конкретностью и точностью воображенія. Его работы не „постиши“, не достижения виртуозного подражанія; то—осуществленныя мечты.

Наряду съ нарядной театральностью „рококо“, его прѣняютъ въ равной мѣрѣ всѣ изощренныя и искусственные культуры. Онъ обязанъ многими побужденіями къ творчеству мастерамъ японской гравюры на деревѣ XVIII вѣка, съ ихъ утонченной и аристократической эротикой; быть можетъ еще ближе, чѣмъ напр. Утамаро, для него геніальный англійскій графикъ Бердслей, чье вліяніе опредѣлило развитіе всего современного искусства иллюстраціи. Сомовъ одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ фигуръ кружка „Миръ Искусства“. Между тѣмъ, какъ столь близкій ему по своимъ „ретроспективнымъ“ симпатіямъ Александръ Бенуаничѣмъ не обязанъ мимолетному пребыванію въ школѣ, Сомовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ ученикомъ Академіи Художествъ по мастерской И. Е. Рѣпина. Если ему и удалось сохранить и развить, вопреки вліянію академического преподаванія, свои интимныя творческія наклонности, онъ, быть можетъ, все же обязанъ школѣ нѣкоторыми техническими навыками, а особенно внимательнымъ изученіемъ натуры. Въ началѣ своей дѣятельности онъ нимало поработалъ въ области реалистической передачи пейзажа; лишь постепенно началъ проникать въ эти работы сентиментальный и ироніческий лиризмъ будущаго мастера. Сомовъ никогда не былъ колористомъ по temperamentу, опьяненнымъ цвѣтомъ и свѣтомъ. Правда, въ раскраскѣ своихъ живописныхъ „бібліо“ онъ обнару-

жилъ изощренный и увѣренный вкусъ миниатюриста: нѣкоторыя изъ его картинъ сдержанно сверкаютъ желтыми и зелеными тонами эмали. Но обаяніе его творчества въ тонкомъ, прихотливомъ и „субтильномъ“, но удивительно точномъ штрихѣ: Сомовъ одно изъ величайшихъ графическихъ дарованій нашихъ дней. Въ этой области его извѣстность выходитъ далеко за предѣлы Россіи. Мало того: признаніемъ на родинѣ онъ до нѣкоторой степени обязанъ успѣхамъ за рубежомъ. Такъ, въ Германіи его издавна привыкли читать, какъ одного изъ лучшихъ представителей нашего искусства. Его имя извѣстно каждому любителю, журналы, специальные и популярные, посвящали ему очерки; наконецъ, первая и въ сущности, единственная о немъ книга появилась въ Берлинѣ и написана профес. Оскаромъ Би. Не приходится удивляться тому, что изъ заграницкой же инициативы возникла лучшая, пожалуй, иллюстративная работа художника—расцвѣченные рисунки и виньеты для сборника Франца Блэя „Книжка для чтенія маркизы“ („маленькая антологія стихотвореній, анекдотовъ и сценъ „галантнаго“ вѣка“). По своей изысканной грации, по деликатной сдержанности эротическихъ намековъ, по сладостной чувственности, расцвѣтающей какъ тепличный цвѣтокъ, эти легкія подобія исчезнувшей эпохи плѣняютъ неотразимо.

Здѣсь сказалось основное настроение творчества Сомова: праздничность, лишь слегка затѣненная инстинктивной меланхоліей скептическаго ума. Черезъ стриженные массивы боскетовъ и зеленый дернъ влажныхъ полянъ онъ перебрасываетъ великоклѣпную дугу радуги. Еще милѣе ему ночныхъ празднества въ темныхъ паркахъ, золотыя брызги и арабески фейерверка на ночномъ небѣ, темное плетеніе чугунныхъ рѣшетокъ у входа въ освѣщенный садъ, острые силуэты маскарадныхъ фантошей, арлекиновъ итальянской комедіи, томныхъ прелестницъ въ фижмахъ и подъ маской, бросающихъ прихотливыя тѣни на песокъ дорожекъ...

Изъ этого цикла Маркизы мы и извлекли нашу страницу.

А. Левинсонъ.

ПО ПОВОДУ ЦЫПЛЯТЬ (фельетонъ).

Какъ то, уже давно, одинъ умный человѣкъ сказалъ мнѣ:

— Если у васъ такое настроеніе, что хочется разбить тарелку о чью нибудь голову, то собирайте вашъ большой чемоданъ и поѣзжайте куда нибудь далеко...

Тогда я писалъ объ этомъ. Я его тогда послушался, ибо мнѣ дѣйствительно хотѣлось разбить тарелку о чью нибудь голову. Послушался и былъ очень ему благодаренъ. Совѣтъ пригодился на всю жизнь. А вотъ теперь нельзя сложить чемоданъ и уѣхать. Почти всѣ пути закрыты. Единственный возможный путь на востокъ, и онъ съ такимъ отсутствиемъ комфорта, что подумаешь, подумаешь и не поѣдешь.

Членъ Государственной Думы Бубликовъ хотѣлъ внести маниловскій законъ о полномъ запрѣтѣ выѣзда заграницу и послѣ войны, чтобы не ввозить туда русскаго золота. Въ мемуарахъ 50-хъ годовъ мы читаемъ о томъ, какъ трудно было уѣхать заграницу, нужна была чуть ли не личная воля Государя для того, чтобы разрѣшить или не разрѣшить выѣздъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А раньше, при Павлѣ, когда путешествовалъ Демидовъ, или еще раньше, при Петре Великомъ, когда єздилъ заграницу Шереметевъ, это было обставлено еще большими затрудненіями...

Но, пока что, єхать почти невозможно.

На пожарѣ бѣгутъ смотрѣть издали, но на пожарѣ Европы, на эту страшную войну, не єдутъ смотрѣть даже американцы, и теперь, благодаря этому, налаживаются путешествія изъ Сѣверной Америки въ Южную и изъ Южной въ Сѣверную. Мы привыкли думать, что это почти одно и то же, Сѣверная Америка и Южная Америка. И то Америка, и другое Америка. На самомъ же дѣлѣ Южная Америка дальше отъ Сѣверной, чѣмъ отъ Европы. Въ Южной Америкѣ все наоборотъ, какъ въ Сѣверной.

Есть книга Хоуарда—„Города—сады“. Мы едва ли доживемъ до городовъ-садовъ. А въ Англіи они

давно существуютъ. Читаешь Хоуарда и думаешь — какъ странные люди! могли бы жить хорошо при тѣхъ же затратахъ, при томъ же трудѣ, а живемъ почему то плохо, хуже, чѣмъ кто либо...

Помню, какъ въ Санъ-Франциско мнѣ нуженъ былъ планъ города, онъ какъ то случайно вырвался изъ Бедекера. Я пошелъ въ книжный магазинъ покупать планъ. Плана случайно не оказалось, но приказчикъ, смѣясь, посовѣтовалъ мнѣ:

— Возьмите просто бумагу, разграфленную на квадратики, вотъ вамъ и планъ Фриско...

Приказчикъ былъ правъ. Не только Санъ-Франциско, но и много другихъ новыхъ городовъ Сѣверной Америки строятся именно такъ, и затѣмъ продольныя улицы называются—первая, вторая, третья и т. д., хотя бы до двухсотой, а поперечныя—авеню—первое, авеню—второе и т. д.

Потому что такъ строила города Сѣверная Америка, Южная стала строить иначе. Типъ южно-американского города такой: обыкновенно на берегу рѣки выбирается мѣсто для центра, отъ него расходятся по радиусамъ широкіе проспекты и по окружности идутъ поперечныя улицы. Чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ скученнѣй постройки, тѣмъ дѣловитѣе кварталы, и тѣмъ дороже, понятно. Въ самомъ центрѣ непремѣнно большой паркъ, общественные зданія, театры. Когда городъ очень разрастается, берутъ еще одинъ центръ и отъ него отводятъ по полуокружности радиусы и по нимъ поперечныя улицы. Южно-американцы утверждаютъ, что ихъ типъ города гораздо красивѣе и гигіеничнѣе, нѣтъ этихъ сѣверо-американскихъ сквозняковъ по прямымъ улицамъ—щелямъ. Дѣйствительно „щели“, если принять во вниманіе высоту домовъ до 50-ти этажей. Когда съ верхушки скайскрэпера смотришь внизъ, вдоль улицы, она иначе не представляется, какъ щелью.

Южно-американцы относятся презрительно къ сѣверо-американскому вкусу и хотя въ Буэносъ-Айресѣ, этомъ Парижѣ Южной Америки, и есть гостиницы въ 12 этажей, но это исключеніе и такой домъ всегда

стоитъ особнякомъ, его со всѣхъ сторонъ обвѣваеть вѣтромъ и достаетъ солнце. Впрочемъ и у нихъ городомъ-садомъ пользуется пока только 1 изъ 1.000.

Многіе еще не доросли до сознанія, что стѣны дома непремѣнно должны провѣтриваться и освѣщаться солнечными лучами. Мы не понимаемъ, что роскошные квартиры на Сергіевской и Фурштадтской въ высокой степени антигигиеничны и скучны. Эти каменные коробки давятъ душу.

Въ Англіи даже рабочій стремится занять непремѣнно особнячокъ, хотя бы двѣ комнаты съ кухней.

* * *

Я кончилъ Петровскую Академію, но совершенно забылъ агрономію за шестнадцать лѣтъ и не помню, учили ли насъ этому или не учили. Надняхъ, сидя въ приемной зубного врача, я сталъ поневолѣ читать какой то сельско-хозяйственный журналъ; какая то помѣщица пишетъ о томъ, какъ она выводила раннихъ цыплятъ. Она непремѣнно хотѣла вывести цыплять въ декабрѣ, въ январѣ. Высиживалъ инкубаторъ, которому совершенно безразлично время года, цыплята превосходно вылупливались изъ яицъ, первые дни чувствовали себя превосходно, но затѣмъ быстро хирѣли, у нихъ отнимались ноги, какъ у паралитиковъ, и они умирали. Помѣщица ломала голову. Стали выносить цыплять на солнце, куда то въ оранжерею, но и это не помогло, слѣдующая партія тоже издохла. Тогда настойчивая помѣщица рѣшила—можетъ быть цыплятамъ необходимо солнце на воздухѣ, безъ стеколъ, и, съ рискомъ заморозить, цыплять стали выносить во дворъ, сначала на десять минутъ, потомъ и больше. И получилось чудо—цыплята превосходно выростали, и въ декабрѣ, и въ январѣ. Что же оказывается?! Солнечные лучи, проходя черезъ стекла, теряютъ именно ту часть своего спектра, которая животворна для организма. Мало сидѣть на солнцѣ, нужно сидѣть во дворѣ, безъ стеколъ. Теперь подумайте, сидѣть ли когда нибудь обитатели роскошныхъ квартиръ на Сергіевской и Фурштадтской у себя во дворѣ? Впрочемъ, на этомъ дворѣ и нѣтъ солнца. Тамъ лежатъ дрова, сидѣтъ дворники и туда же выходитъ чадъ отъ кухонь, но солнце туда не попадаетъ, и вѣтеръ также.

По поводу цыплятъ это какъ будто пустяки, но вдумайтесь серьезно: если цыпленку нужны открытые солнечные лучи, то сколько же такихъ лучей необходимо организму человѣка, тѣмъ болѣе ребенка. Насколько мы были бы счастливѣе и здоровѣе, на-

сколько жизнерадостнѣе были бы дѣти, если бы мы жили не въ роскошныхъ квартирахъ, обставленныхъ крайне неудобной старинной мебелью, на Фурштадтской и Сергіевской, а въ маленькомъ особнякѣ за городомъ, гдѣ есть вѣтеръ и солнце и гдѣ есть такой дворъ, на которомъ можно сидѣть, и гдѣ даже можетъ быть садъ...

Путешествіе дѣйствуетъ благотворно на человѣческій организмъ. О духовной сторонѣ нечего и говорить, но даже физическая сущность человѣка менѣется отъ путешествія быстрѣе, чѣмъ отъ всякихъ лѣкарствъ, обмѣнъ веществъ идетъ несравненно энергичнѣе. Путешествуя, мы поневолѣ проводимъ время на воздухѣ и на солнцѣ, при путешествіи менѣется атмосферное давленіе, что тоже оказываетъ большое влияніе на организмъ. Утверждаютъ, что не меньшее значеніе имѣетъ магнитное напряженіе земной поверхности, весьма различное въ разныхъ частяхъ земного шара, и вотъ, можетъ быть, поэтому именно нужны далекія путешествія.

Теперь, когда нарождается новая электронная теорія, перестраивающая не только теоріи эфира и атомовъ, но даже и всю физику, химию, механику, мы, можетъ быть, подойдемъ къ еще болѣе удивительнымъ доказательствамъ необходимости путешествій. Эта новая теорія учитъ, что масса можетъ обращаться въ энергию, а энергія въ массу, что это единая электронная сущность міра, не только того, который мы знаемъ, но и всего остального, недоступного еще нашему пониманію. Эта теорія учитъ, что время не есть что то совершенно отдѣльное отъ пространства, а только одно изъ его измѣреній, четвертое измѣреніе пространства. Если одно и то же, части одной и той же сущности—время, пространство и матерія, то можетъ быть организму просто необходимо движение въ пространствѣ? по направленію къ магнитнымъ полюсамъ или перпендикулярно къ нимъ?..

* * *

Когда и кончится война, еще долго не наладится удобное сообщеніе по земному шару. Надежду на путешествіе приходится отложить еще на долгое.

Небывалая война остановила побѣдное движение человѣка въ природѣ...

А можетъ быть это, какъ зажатая пружина, послѣ войны сразу выпрямится и двинется впередъ невиданнымъ ходомъ?!

Вл. Крымовъ.

(Изъ „Tout Paris“).

РОСКОШЬ И РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

(архивная справка).

1661 годъ. Во Франціи умираетъ одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ блестящаго вѣка Людовиковъ кардиналь Мазарини. За пятнадцатилѣтнее правление всесильный министръ видитъ въ красной жизни едва ли не могущественнѣйший рычагъ своего политического влиянія. Людовику XIV уже пятнадцать лѣтъ, но царственный отрокъ еле-еле умѣетъ читать и писать. На замѣчаніе королевы-матери о ненормальности такого положенія, хитрый временщикъ отвѣчаетъ: „Не беспокойтесь, король будетъ знать больше, чѣмъ слѣдуетъ. И безъ того онъ забрасываетъ меня вопросами“. Въ тоже время вниманіе любознательного мальчика постоянно отвлекается придворными праздниками. Чтобы дать понятіе, какого они характера и во что обходятся государственной казнѣ, остановимся на описаніи современныхъ баловъ и

спектаклей. Обыкновенно каждый праздникъ начинается театральнымъ представлениемъ. Человѣкъ со вкусомъ, Мазарини умѣлъ придать имъ блестящую виѣшность. Родомъ итальянецъ, онъ выписывалъ изъ Италии лучшихъ декораторовъ и машинистовъ. При немъ, напр. механической частью театра завѣдывалъ Торелли, а рисовалъ эскизы декораций и костюмовъ знаменитый Калло. О послѣднемъ современная хроники разсказываютъ удивительныя вещи. По случаю торжественного вѣзда во Флоренцію Федериго герцога Урбино, Калло придумалъ оригиналную процессію. На колесницахъ, влекомой четырьмя лошадьми, былъ изображенъ Атланть, поддерживающій на своихъ плечахъ земной шаръ; надъ титаномъ парила нимфа, а за колесницей шли великаны. Слѣдующая колесница представляла царство любви. Она заключалась въ

ВЫСТАВКА „МИРЪ ИСКУССТВА“ 1916.

Б. А. Григорьевъ—„Въ парижскомъ кафе“.

какомъ-то хаосѣ небесныхъ тучъ; когда эти тучи раздвигались, они обнаруживали маленькую группу амуротовъ; подъ ними внизу находились три граци, едва прикрытыя легкой дымкой. Но особенно великолѣпной показалась третья колесница. Она изображала море: девять тритоновъ свободно плавали въ огромномъ бассейнѣ; рядомъ возвышался чудесный храмъ изъ коралловъ и водорослей, на вершинѣ которого въ царственной поѣзѣ возлежала богиня Фетида.—Богатая фантазія итальянцевъ придавала ихъ затѣмъ необыкновенно яркія краски. Та же хроника, рассказывавшая о празднествѣ во Флоренціи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и о балетахъ въ эпоху Регентства. Мазарини, чтобы поддерживать настроение Двора во время его борьбы съ Фрондой, устраивалъ зрелища, одно фееричнѣе другого. Особенно пышной выдалась постановка балета „Свадьба Пелея и Фетиды“, данный впервые 26 янв. 1654 г. Руководившій постановкой Торелли, по отзывамъ современниковъ, будто бы „превзошелъ самого себя“. Содержание балета, сочиненного сїенгомъ Бути, напоминаетъ довольно распространенные въ ту пору миѳологические сюжеты. Фетида, любимая Юпитеромъ, вопреки собственному желанію, находитъ защиту въ ревнивой Юнонѣ. Боги готовы поссориться, но все кончается благополучно: Прометей освобожденъ, а Пелея женится на любимой дѣвушкѣ. Любовной парѣ покровительствуетъ Олимпъ. Понятно, не въ сюжетѣ заключалось дѣло. Балетъ долженъ быть дать очарованіе для глазъ, волшебное зрелище, и въ этомъ отношеніи „Свадьба Пелея“, вѣроятно, отвѣчала своему назначению. По крайней мѣрѣ современный хроникертъ сознавался, что по открытіи занавѣса, публика долго не могла опомниться отъ чудного видѣнія. Очень интересны были декорации. Въ первой картины было представленъ Парнасъ, приблизительно 7 саж. вышины, расположенный на третьемъ планѣ сцены. У подножія его, среди зеленыхъ арокъ, были прятаны три дорожки, обсаженные кудрявыми деревцами. Справа и слѣва виднѣлись лѣса, имѣя наравнѣ съ ближайшими къ зрителю деревьями миѳическая рѣка: Апидонъ и Онахонъ, опирающаяся на свои урны. Всѣ эти декорации перемѣщались съ дѣйствующими лицами. Такъ напр. надъ цѣтующими аркадами возвышалась скала, покрытая лѣсомъ, которую поддерживали въ видѣ карнатида юный король и его свита. Съ теченіемъ дѣйствія картины менѣялись. Они изображали: то мистический гротъ Хирона, где благородный защитникъ Пелея звалъ на помощь чародѣевъ, то волнующее море, откуда, по знаку Юноны, морское чудовище выбрасывало на землю злыхъ фурій. Не менѣе интересной представлялась картина, изображавшая античный праздникъ. Правда, античнымъ онъ былъ только по названію. Въ смыслѣ стиля, режиссеры той эпохи не стѣснялись какими-либо археологическими изысканіями: costume locale не играла никакой роли. Если еще декорации слегка напоминали греческій амфитеатр (площадь, вокруг скамейки, далѣе ярусы ложь), то дѣйствующія лица вовсе уже не походили на древнихъ грековъ: это были придворные кавалеры временъ Генриха III, или Людовика XIII. Роскошь постановки заключалась въ материалѣ, изъ которого были сдѣланы практикли: камень, а отчасти бронза.—Начиналось представление съ хора нерейдъ—онъ прославлялъ короля и его царствованіе. Имѣя аккомпанировалъ оркестръ, состоявшій изъ лютней и клавесинъ. Затѣмъ слѣдовали танцы, чередовавшіеся привѣтствіями въ стихахъ. Ихъ сочиняла специалистъ въ этомъ жанрѣ Бенсераль. Особенностью этихъ стиховъ была характеристика танцующихъ, иногда очень колкая и двусмысленная. Такъ про красавицу, дочь маркизы Севини, онъ сочинилъ слѣд. стихи:

Belle et jeune querigre, une preuve assez bonne
Qui'suit d'une amazone et la rgle et les voeux,
C'est qu'on n'a qu'un teton... je crois, Dieu me pardone,
Que vous en avez dja deus...

Центромъ вниманія въ танцахъ былъ юный король. Людовикъ, вообще очень любившій танцы въ „Свадьбѣ“ Пелея исполнялъ чуть ли не десять ролей: Аполлона, фурій, дриадъ, академиста, войну и т. д. Отъ его величества не отставали придворные. Фигурные танцы представляли большое разнообразіе. По словамъ современного поэта, здѣсь можно было найти самыя различныя аллегоріи.

La paix et la guerre,
L'air, la mer, l'enfer et la terre,
Flutes, trompettes et tambours,
Et demi-douzaines d'amorous,
Dans une rayonnante sphre.

До сихъ поръ мы ничего не говорили о костюмахъ. Они поражали неслыханной роскошью. Достаточно сказать, что у нерейдъ поверхъ бѣлой шелковой юбки была надѣта золототканная сѣтка, на головѣ діадема изъ цѣтовъ и бѣлыхъ и красныхъ перьевъ. Также какъ въ декорацияхъ, не стѣснялись стилемъ костюмовъ. Музы, изображенныя знатными дамами, ослѣпляли брилліантами и жемчугомъ. Но особенно оригиналъ былъ костюмъ короля въ роли Аполлона. На немъ было розовое трико и высокіе сапоги до колѣнъ, вышитые золотомъ и драгоценными камнями. Поверхъ трико, отъ подбородка и почти до талии, щель камзолъ изъ тонкаго мусселина, опять таки расшитый золотомъ, брилліантами и рубинами. Волосы въ букляхъ, ниспадавшихъ до плечъ, украшала діадема изъ жемчуга и рубиновъ, съ огромнымъ султаномъ изъ бѣлыхъ и желтыхъ перьевъ.

Во что могли обходиться подобные постановки? Точныхъ цифръ современники не приводятъ, но по нѣкоторымъ слагаемымъ, можно догадываться о суммахъ. Такъ напр., у маршала Бассомпьера былъ костюмъ изъ золотистой матеріи лиловатаго оттенка. Для него потребовалось ни болѣе ни менѣе, какъ 50 фунтовъ жемчуга; одна вышивка костюма стоила 14 тысячъ экю (по нашему около 12 тысячъ рублей). Эти несмѣтныя богатства иногда расточались самымъ нелѣпымъ образомъ. Въ 1625 г. въ Парижѣ прѣбѣжалъ изъ Лондона Лордъ Букингамъ, уполномоченный своего правительства просить руки дочери Генриха IV, Генріетты французской, для англійского короля Карла I. Красавецъ собой, умный и элегантный, Букингамъ быстро покорилъ сердца всѣхъ французскихъ аристократокъ. Но англичанину это показалось мало; ему хотѣлось привлечь на свою сторону и представителей другой половины человѣческаго рода. Однажды, на придворный балъ онъ явился въ костюмѣ, расшитомъ жемчугомъ. Послѣдний былъ завѣдомо плохо прикрепленъ къ матеріи, такъ что во время танцевъ разсыпался. Находившіе жемчужины приносили ихъ лорду, но онъ съ очаровательной улыбкой просилъ нашедшаго сохранить ихъ себѣ на память. Всякое другое общество сочло бы такой поступокъ безактнымъ и не простило бы его смѣльчаку, тѣмъ болѣе чужеземцу. Но французская аристократія того времени смотрѣла на вещи иначе и восхищалась. „Широкій жестъ“ иностранца поразилъ всѣхъ, а королеву Анну Австрійскую заставилъ взглянуть благосклоннѣе на ухаживанія юноши...

Все театральное, виѣнне-эффектное и красивое было тогда въ почетѣ, распространяясь даже на самыя интимныя стороны жизни. Историкъ указываетъ, напримѣръ, на странный обычай, существовавшій относительно крестьянъ въ домахъ богатыхъ итальянскихъ и французскихъ вельможъ. Въ этотъ день роженицу выставляли на показъ на особомъ парадномъ ложѣ. Для дочери Мазарини, вышедшей замужъ за герцога Бульонскаго, было придумано цѣлое сооруженіе. Кровать ея изображала раковину, словно погруженнную въ морскія волны. Она поддерживалась четырьмя морскими конями, на коихъ возсѣдали четыре же сирены, выточенныя изъ дерева и украшенныя золотомъ. Вся обстановка дополнялась чудесными купидонами, служившими вѣсто застежекъ для богатыхъ занавѣсей балдахина. Любопытно, что такая роскошь пресколько мирилась съ виѣннѣми неудобствами жизни. Парижъ въ эту эпоху поражалъ своймъ неблагоустройствомъ. Улицы, самыя центральныя, были узки, плохо застроены и не проходимо грязны. Даже лѣтомъ мужчины на улицу выходили въ высокихъ сапогахъ, женщины же предпочитали юзть, чѣмъ гулять. Освѣщеніе было самое скучное. Большая часть фонарей принадлежала частнымъ владѣльцамъ, или торговцамъ, да и то ночные гуляки заблаговременно ихъ тушили. Личная безопасность гражданинъ подвергалась серьезнымъ нападкамъ. Не проходило дня, чтобы, послѣ зари, съ обычайтелей не снимали пальто, выворачивали карманы, а оборонявшихся—убивали. Только влюбленнымъ современнымъ Парижъ давалъ большія преимущества. Пользуясь ночной темнотой, какой-нибудь Ромео безопасно пробирался къ своей Джультеттѣ и, перекинувъ черезъ балконъ веревочную лѣстницу, стучался у завѣтнаго окна.

Контрастъ между богатствомъ и нищетой особенно ярко обнаруживался въ домашнемъ обиходѣ парижанъ. По словамъ автора хроники „L'Oeil de Boeuf“, блестящая виѣнность обычайтелей столицы, встрѣчалась лишь у дворянства. Обыкновенные буржуа были очень плохо одѣты; костюмы ихъ по фасону принадлежали минувшему столѣтію. „Отдѣльные классы населенія по прежнему различаются манерой одѣваться. Напримѣръ купцы носятъ въ своихъ конторахъ особаго рода жакеты, напоминающія короткія юбки“. Способы передвиженія были также разнообразны. Въ то время, какъ простой обычайтель пользовался еще допотопной бричкой, аристократы разѣзжали въ чудесныхъ коляскахъ. Число ихъ прогрессивно увеличивалось. Въ 1663 г. такихъ экипажей насчитывалось свыше двухъ тысячъ *). Чтобы покончить съ Мазарини, нужно сказать, что практически использование имѣй искусства не мѣшало кардиналу любить его вполнѣ искренно. Живопись онъ даже обожалъ. Весьма трогательную исторію разсказываетъ по этому поводу врачъ кардинала Гено. Мазарини былъ уже смертельно боленъ, когда однажды Гено засталъ его одного въ картинной галлерѣ. Не замѣченный никѣмъ, Министръ переходилъ отъ одного полотна къ другому, подолгу останавливаясь передъ самыми любимыми. „Все это нужно покинуть“, тихонько бормоталъ онъ про себя, тамъ, куда я уйду, я больше ихъ не увижу“... Замѣтивъ доктора, онъ взялъ его подъ руку и, опираясь какъ на костиль, продолжалъ обозрѣніе. „Какъ

*). Черезъ сто лѣтъ въ Россіи повторилась та же самая история. Гардеробъ Императрицы Елизаветы насчитывалъ свыше 3000 платѣй, праздники ея отличались необыкновенной роскошью, между тѣмъ, вотъ что писала Екатерина II въ своихъ мемуарахъ: Зимой 1746 г. „было много маскарадовъ въ знатныхъ домахъ Петербурга, которыхъ въ то время были очень маль.

Дворъ и весь городъ обыкновенно собирались на эти маскарады. Послѣдний былъ данъ Татищевымъ, въ домѣ принадлежащемъ Императрицы и называемымъ Смольнымъ дворцомъ. Серединѣ этого деревянного дома сгорѣла, и оставались только двухъ-этажные флигеля. Въ одномъ изъ нихъ танцевали, а въ другомъ приготовленъ былъ ужинъ, такъ что въ серединѣ января пришлось проходить черезъ дворъ по снѣгу; и послѣ ужина всѣ опять перешли въ первый флигель. Такое путешествіе не прошло даромъ для гостей. На другой день послѣ маскарада, Великій Князь (будущий Пётръ III) заболѣлъ горячкой“. (Записки, стр. 32).

я все это люблю, говорил онъ, вотъ чудесный Корреджо, вотъ „Венера“ Тицiana, а вотъ „Потопъ“ Антона Карабича. Увы, я пришелъ съ ними проститься и навсегда.

Въ эту минуту вошелъ дежурный офицеръ и доложилъ, что статъ-секретарь желаетъ видѣть кардинала по неотложнымъ дѣламъ. Мазарини вскипѣлъ. „Скажите ему, чтобы онъ обратился къ королю. Я не могу его принять. У меня въ головѣ сейчасъ гораздо болѣе серьезныя заботы, чѣмъ интересы государства“...

Человѣкъ, думающій о картинахъ наканунѣ смерти, — развѣ не яркій примѣръ того, что искусство можетъ быть выше свѣтской прихоти?

Привычки, усвоенные съ дѣтства, обыкновенно кристаллизуются, превращаясь въ характеръ. Людовикъ XIV, съ малолѣтства привыкшій смотрѣть на жизнь какъ на вѣчный праздникъ, не измѣнилъ этому взгляду и по достижениіи зрѣлаго возраста. Напрасно осторожный Кольберъ, смѣнившій расточительного Фука по управлению финансами, предупреждалъ короля о денежныхъ затрудненіяхъ казны. Юный монархъ, въ душѣ сочувствовавшій министру, не могъ по щучьему вѣлью отказаться отъ той манеры жить, которую въ теченіе многихъ лѣтъ увиленно прививалъ ему Мазарини. Многія изъ этихъ привычекъ стали неотъемлемой принадлежностью Двора, его этикетомъ. Нельзя сейчасъ удержать улыбку при описаніи церемоніала, сопровождавшаго утренній туалетъ короля. По словамъ современника, онъ долженъ бытъ напоминать прежнее рыцарство. Едва король выходилъ изъ кровати, какъ оберъ-камергеръ, или дежурный камеръ-юнкеръ, торжественно облекали его въ халатъ, бережно поддерживаемый камеръ-лакеемъ. Затѣмъ когда наступало время одѣваться, тотъ же церемоніаль сопровождалъ мельчайшія подробности туалета. Денежная рубашка подавалась королю двумя камеръ-лакеями. Одинъ изъ нихъ пристегивалъ ему правый рукавчикъ, другой — лѣвый. Особое лицо завязывало ему галстукъ. Единствено что дозволялось королю дѣлать самостоительно, это надѣваться такъ называемые *naux de chausse*, по нашему брюки. Впрочемъ и при такой операциѣ, высшіе чины двора должны были присутствовать обязательно: отсутствіе кого либо изъ нихъ три дня кряду, считалось признакомъ опалы. Подобный же этикетъ полагался и для королевы. Нужды нѣтъ, что стыдливая Марія Терезія всячески отклоняла эти обязанности. Людовикъ, искренно любившій жену, особенно въ первыѣ годы своей женитьбы, ни за что не согласился отмѣнить установленные имъ правила. Бѣдная женщина съ самаго утра должна была подвергаться истязаніямъ всякаго рода статъдамъ, камергеръ-юнгѳѣ и, *horrible dictu*, придворного портного. Послѣдній собственоручно шнуровалъ королеву, считая эту обязанность присущей его сану.

Естественно, что отъ интимныхъ сторонъ придворной жизни, такіе порядки распространялись и на внѣшнее ея обличіе. Людовикъ XIV, самолюбивый отъ природы, не допускалъ, чтобы кто нибудь изъ простыхъ смертныхъ, не исключая министра или другого сановника, устраивалъ праздники, качествомъ своимъ превосходившіе придворные. Такой смѣльчакъ вызывалъ антипатію короля, а иногда, какъ Фука, платился всей своей карьерой. Сотруднику Мазарини, уже послѣ его смерти, пришло въ голову дать въ 1661 г. блестящій праздникъ въ собственномъ замѣ, въ Во (Vaux). По общимъ отзывамъ онъ отличался неслыханнымъ великолѣпіемъ. Достаточно сказать, что каждый изъ участниковъ вечера нашелъ въ своей комнатѣ, подъ подушкой, мѣшечекъ съ золотомъ. Такимъ способомъ хитрый царедворецъ давно уже пріобрѣталъ себѣ друзей среди придворной знати. Однако, на этотъ разъ у него не было больше за спиной могущественнаго защитника — кардинала. Король, присутствовавшій на праздникѣ, остался имъ чрезвычайно недоволенъ. Прежде всего, конечно, поразило его великолѣпіе торжества. Затѣмъ, кто-то изъ современныхъ Яго обратилъ его вниманіе на загадочную надпись на одномъ изъ фронтоновъ замка. Скульпторъ изобразилъ лѣсную бѣлку и подъ ней девизъ: „*qui pop ascendam*“ (куда я только не вѣзу?). Все это послужило поводомъ для конфиденціальной бесѣды Людовика съ королевой-матерью.

— Замѣтили ли вы, сударыня, непозволительную роскошь этого господина, — сказалъ онъ Аннѣ Австрійской — доколѣ мы будемъ терпѣть всѣ эти безчинства и не пресѣчимъ ихъ въ корнѣ?

„Куда я только не вѣзу?“ Боже мой! Онъ перестанетъ лѣзть, ибо я ему сломаю ноги. Сего дня же ночью я прикажу его арестовать...

По настоянию Анны арестъ былъ отсроченъ, но все же судьба Фука была предрѣшена въ этотъ вечеръ.

Едва ли, однако, король имѣлъ основаніе бояться конкуренціи. Характеръ устроенныхъ имъ праздниковъ, щедрость, которую онъ расточалъ относительно приглашенныхъ, исключали всякую возможность подражанія. Самый обыкновенный вечеръ заключался лоттереей, гдѣ на тысячу билетовъ только двадцать попадалось пустыхъ. Между тѣмъ выигрыши состояли изъ золотыхъ вещей, драгоцѣнныхъ камней, жемчужныхъ ожерелей и пр. Когда участники не располагали достаточными средствами на туалеты (такой случай упоминается по поводу одного маскарада 1683 г.), то король приказывалъ имъ послать соответствующія суммы. Нѣчто похожее происходило съ театромъ, устроеннымъ Петромъ Великимъ. Недостатокъ въ „смотрителяхъ“ заставлялъ Петра приѣ-

гать къ понудительнымъ мѣрамъ, въ томъ числѣ и къ уплатѣ публикѣ особаго вознагражденія за посѣщеніе спектаклей. Этотъ своеобразный кульпъ праздниковъ заставлялъ иногда смотрѣть сквозь пальцы на свойства ихъ участниковъ. Маскарадъ, о которомъ я только что упоминалъ, означеновалъ между прочимъ скандаломъ съ однимъ офицеромъ. Во время танцевъ у него украли кошелекъ. Король, узнавъ объ этомъ происшествіи, щедро вознаградилъ потерпѣвшаго.

Празднества не ограничивались однимъ Парижемъ. Когда Дворъ куда нибудь переѣзжалъ, по случаю ли войны, или по другимъ причинамъ, то характеръ его времяправожденія оставался неизмѣннымъ. Хроникеръ даже отмѣчаетъ любопытный контрастъ между блестящей внѣшностью Двора и боевой обстановкой походной жизни. Во время похода во Фландрию, въ 1667 г., современному казалось, что ъдуть не на войну, а на веселый пикникъ. „Всѣдѣ за нашими войсками тянется больше колясокъ, чѣмъ пушекъ“, говорилъ онъ. Придворный этикетъ при такихъ условіяхъ ничуть не мѣнялся. Король по прежнему соблюдалъ положенный имъ церемоніаль. Какъ и въ Парижѣ происходять большиe и малые выходы, прѣмы пословъ и т. д. *). Придворный штатъ изобилуетъ дамами. Ароматъ ихъ духовъ часто сливаются съ запахомъ порохового дыма. Нѣжный шопотъ сердечныхъ изліяній чередуется съ артиллерийскими залпами. Иногда прекрасный поль заставлялъ о себѣ говорить больше, чѣмъ о военныхъ подвигахъ. Графиня Б. разсказываетъ пикантную исторію, какимъ образомъ одна богатая вдова, изъ любви къ прекрасному мушкетеру, обмундировала весь его взводъ. Рѣчь шла о кавалерѣ д'Артаньянѣ, честномъ, но бѣдномъ юношѣ. Скромный достатокъ его не позволялъ кавалеру подражать богатымъ товарищамъ, которые на собственныя средства экипировали цѣлые полки. Самолюбіе юноши страдало, но судьба скажилась надъ нимъ. Однажды у палатки его остановилась великолѣпная коляска, откуда вышла таинственная незнакомка. д'Артаньянѣ узналъ въ ней свою даму. Изумленію его не было границъ, когда дама рассказала о цѣли своего прїѣзда. Она не хочетъ, чтобы любимый человѣкъ былъ униженъ сравнительно съ другими. Его отрядъ одѣтъ бѣднѣе, чѣмъ сосѣдніе, поэтому она рѣшила его сполна экипировать и возы съ обмундировкой слѣдуютъ за ней. Напрасно благородный кавалеръ протестовалъ противъ такой мѣры. Энергичная вдова не только не допускала возраженій, но самолично примѣрила мундиры и тотъ, что былъ коротокъ, или узокъ, увезла обратно для передѣлки. На другой день, на смотрѣ, король бытъ изумленъ шикарной внѣшностью мушкетеровъ. Конечно, о щедрости вдовы онъ узналъ тотчасъ же, но, щадя рыцарскіе чувства д'Артаньяна, не настанавъ на раскрытии *incognito*. Впрочемъ, стоявая молва немедленно разнесла эту исторію по арміи. Добрались она и до салоновъ, гдѣ великосвѣтскіе остряки сразу прозвали извѣстную часть мужскаго туалета „вдовыми дѣтками“ или иначе: „*haut de chausse des amours*“.

Черезчуръ роскошная, несообразная со средствами, жизнь французскаго двора, должна была неизбѣжно привести къ финансому краху. Въ началѣ 1678 г. государственная казна была въполномъ источеніи. Между тѣмъ въ августѣ того же года необходимо было чѣмъ нибудь озnamеновать заключенный съ Нидерландами въ Нимвегенѣ мирный договоръ. Объ этомъ больше всего хлопотали придворные Людовика. Но Людовикъ колебался. Онъ слишкомъ хорошо зналъ собственные финансы, чтобы заняться о какихъ либо увеселеніяхъ своему *Controleur général*. Однако, Кольберъ предупредилъ его желаніе. Къ удивленію Людовика, онъ не только сочувствовалъ затѣ, но находилъ, что суммы на нее ассигнованныя не соотвѣтствуютъ грандиозности замысла. Мысль его складывалась иначе. По его мнѣнію, только истинно чудесный праздникъ можетъ привлечь вниманіе всей Европы, въ томъ числѣ всей помѣстной французской знати. Дѣйствительность не обманула его ожиданій. Едва газеты разнесли вѣстъ, что король устраиваетъ праздникъ, какъ въ Парижѣ со всѣхъ сторонъ потянулись иностранцы и знатные провинциалы. Въ нѣсколько недѣль парижскія улицы нельзя было узнатъ. Поднялась горячка, знакомая обывателю только передъ большими праздниками. Артисты, художники, купцы и рабочие буквально сбились съ ногъ, чтобы удовлетворить многочисленныя требования. Но хитрому министру это показалось недостаточно. Чуть ли не наканунѣ дня, назначенного для праздника, онъ уговорилъ короля отложить его еще на двѣ недѣли, а тѣмъ временемъ дать экстренный балъ въ Тюльери. Разсчетъ былъ ясенъ. Тѣ, которые приготовили туалеты для карусели, покажутъ ихъ на балу, а на карусель придется заказывать новыя, т. е. вновь тратиться, бѣгать по магазинамъ, и т. д. Результаты такой системы не замедлили сказаться. Когда король освѣдомился у министра, во что обошлись празднества, Кольберъ показалъ ему балансъ, гдѣ поступленія превышали расходы слишкомъ на миллионъ ливровъ. Говорятъ, Людовикъ оцѣпенѣлъ. „Непостижимый человѣкъ—восхликалъ онъ, обнимая Кольбера—вы поистинѣ мое богатство; только васъ нельзѧ до конца исчерпать“.

Такимъ образомъ и роскошь, умѣло использованная, можетъ быть во благо государству!..

Dig.

*.) Въ числѣ посольствъ, Людовикъ XIV принималъ въ 1685 г. москвичей (*les moscovites*). Наши соотечественники поразили французовъ игрой въ шахматы. По словамъ хроникера, никто не могъ состязаться съ ними въ этомъ искусстве.

ГЕММЫ И КАМЕИ.

Среди большого числа коллекционеров редкостныхъ предметовъ отдельное мѣсто занимаютъ собиратели геммъ. Иная такая даже небольшая коллекція стоитъ часто цѣлой картинной галлереи: всѣ эти предметы, большей частью, цѣнныя уже по одному своему материалу, перешли къ намъ въ массѣ своей изъ отдаленныхъ временъ, достигая иногда, какъ это мы видимъ на египетскихъ и ассирио-аввилонскихъ геммахъ, тысячелѣтій до нашей эры. Всѣ онъ сохранились въ цѣлости, неповрежденными. И какъ ни хороша бессмертная Венера Милосская, а все же она только „безрукая красавица“, безпомощно глядящая на своихъ обожателей, лишенная одной изъ наиболѣе эстетичныхъ частей женского тѣла... Геммы, наоборотъ, не утаили отъ насъ что либо достойное вниманія, воспроизвели во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ картины прошлаго. Такъ, по геммамъ удалось воспроизвести множество подробностей домашней обстановки и общественной жизни античного міра, знаменитыя зданія, статуи, даже картины, не говоря уже о возстановленіи портретовъ историческихъ лицъ.

Геммы—это исторія въ смыслѣ ея иллюстраціи и отраженія, не одно только художество, доведенное до высшей техники и одухотворенности. Не будь геммъ древности, для насъ пропали бы на всегда представлениія о многихъ памятникахъ и чудесахъ античного міра, какъ храмъ Діаны Эфесской, Аполлонъ Милестій или портреты такихъ лицъ, какъ Александръ Македонскій, Птолемей Філадельфъ, его сестра и жена Арсиноѣ, исчезнувшія картины, какъ „Апостола Августа“, воспроизведенная на знаменитой Августовской геммѣ, совсѣмъ разрушенная зданія „Римскаго Форума“, отъ которыхъ остались лишь отдѣльныя колонны, архитравы и цоколи, какъ Basilica Silia, Rostrae. На геммахъ же отразилась жизнь древняго Востока, ихъ первой родины, и многіе современные ориенталисты, какъ Мариеттъ, явились не только учеными знатоками и писателями о геммахъ, но собирателями геммъ и владѣльцами знаменитыхъ коллекцій. Недаромъ одинъ изъ выдающихся представителей эпохи ренессанса, *Скалигеръ*, выразился о геммахъ, которые ревностно самъ изучалъ въ качествѣ ученаго лингвиста и философа: „надо удивляться, сколь много неизвѣстнаго для нашего знанія и пониманія заключаютъ въ себѣ геммы“.

* * *

Съ незапамятныхъ временъ человѣчество цѣнило дорогіе камни за ихъ красоту, блескъ и твердость. Не довольствуясь одними природными качествами драгоцѣнныхъ камней, древніе стали прибѣгать къ ихъ обработкѣ, выразившейся на первыхъ же порахъ въ изображеніи на отшлифованной плоской части камня разныхъ предметовъ, животныхъ, лицъ и сценъ. Такіе гравированные камни назывались также *геммами*: это римское ихъ название (*gemmae sculptae*, т. е. рѣзные камни), подобно тому, какъ болѣе древнее, греческое ихъ название—*анаглифи*.

Вначалѣ геммы выгравировывались на манеръ печатей—*во внутрь* (еп. *снеихъ*). Долгое время послѣдними только и ограничивались всюду, не зная другихъ геммъ. Но послѣ эпохи Александра Македонскаго (т. е. IV в. до Р. Хр.), въ Греціи появились геммы иного рода,—рельефы, или по-гречески *эктипы*, выпуклые геммы римлянъ (*gemmae coelatae*). Новѣйшая употребительная итальянская терминологія называетъ первыя—*intaglio*, а вторыя—*cameo*. У насъ, согласно этой классификаціи, усвоены названія гемма—инталіо и камей. Самое же искусство рѣзбы на драгоцѣнныхъ камняхъ называется (отъ греческаго) *глиптикой*, съ камовъмъ осталось и понынѣ.

Насколько геммы—*intaglio* были всегда незначительны по размѣрамъ, заслуживъ даже на Востокѣ, у египтянъ, финикийцевъ и этрусковъ, название *скарабеевъ* (*scarabée*), т. е. жуковъ, настолько каменъ, явившійся какъ бы протестомъ противъ малыхъ размѣровъ камня, препятствующихъ болѣе широкому взмаху художественной композиціи и фантазіи и ограничивающихъся исключительно преодолѣваніемъ техническихъ трудностей, нерѣдко значительной величины. Такъ они достигаютъ: 5-ти дюймовъ, какъ гамбургскій ониксъ, — Семейство Клавдія,—7-ми дюймовъ, какъ петрографическая „Мальмезонская гемма“ (*Gemma Gonzaga*), 9-ти дюймовъ, какъ вѣнская, Августовская гемма (*Gemma Augustea*), 13-ти дюймовъ, какъ парижскій Агатъ Тиверій (*Achates Tiberianus*) и даже 15-ти дюймовъ, какъ камей кардинала Карпеня (*Cameo Carpegna*), самый больший изъ всѣхъ. Если анализы составляли по преимуществу печати (перстневыя) и перстни вообще, а въ качествѣ цилиндрическихъ или конусообразныхъ халдейскихъ и ассирио-аввилонскихъ геммъ изображали талисманы, амулеты и предметы древнѣйшей магіи, культа Баала и Ормузда, то эктипы или по-нашему камеи дѣлаютъ значительный шагъ впередъ, являя образцы чистаго художества, безъ какой либо утилитарной цѣли. До насъ дошло множество аналифовъ и сравнительно немного камеевъ: очевидно, употребленіе первыхъ было шире.

* * *

Для геммъ выбирали блестящіе, съ яркою окраскою, полублагородные камни, хотя и отличающіеся твердостью, но уступаю-

щіе въ этомъ отношеніи благороднымъ камнямъ — алмазу, сапфиру, рубину и изумруду. Древніе цѣнили послѣдніе камни за ихъ относительную рѣдкость и природную красоту, и потому считали грѣхомъ уменьшать ихъ достоинство излишнимъ украшеніемъ, то есть гравированіемъ на нихъ рисунка. Это подтверждаетъ Плиній (XXXVII, 1), оставившій въ отношеніи геммъ древности одинъ изъ самыхъ полныхъ и драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Наиболѣе употребительными были для геммъ: яшма всѣхъ цвѣтовъ, особенно въ Египтѣ, халцедонъ и всѣ многочисленныя его разновидности, какъ агатъ, карнеоль, ониксъ, сардониксъ, рѣже аквамаринъ и аметистъ. Въ интересной монографіи о примѣненіи халцедона въ искусствѣ (журн. „Старые Годы“, III, 1916) бар. А. Фелькерзамъ приводить составленную имъ систематическую таблицу, выясняющую взаимное отношеніе породъ этихъ полублагородныхъ камней, изъ которыхъ приготовляли, между прочимъ, геммы. Это—всѣ группы кварца—горный хрусталь, яшма и халцедонъ. Къ послѣднему онъ причисляетъ такие какъ карнеоль (cognaline) или красный халцедонъ, греческую плаズму, похожую на зеленую яшму и долгое время извѣстную только изъ римскихъ раскопокъ, затѣмъ агатъ, ониксъ и гелотропъ, называемый также кровяной яшмой (*jaspe sanguinum*)—камень съ красными крапинками, изъ которыхъ граверы умѣли извлекать удачные эффекты. Примѣръ бирюзовой геммы, кажется, единственный въ вѣнской коллекціи. Алмазы никогда не поддавались ни шлифовкѣ, ни гравировкѣ, вплоть до XV в., когда первый *Louis de Berquen* изъ Брюжа, въ 1476 году, открылъ способъ ихъ шлифовки. Для камеевъ обыкновенно выбирали крупные, по возможности дорогіе камни съ нѣсколькими слоями, съ тѣмъ, чтобы художникъ имѣлъ возможность ихъ использовать для разныхъ эффектовъ. Такъ, напр., мы часто видимъ на темномъ, нижнемъ фонѣ коричневатой или красноватой ониксовой или агатовой геммы совершенно свѣтлый профиль лица, исполненного на верхнемъ слоѣ камня. Послѣдніе бывають съ жилками, оттѣнками, полосами и проч. Мы имѣемъ многие примѣры двуслойныхъ и трехслойныхъ камеевъ, какъ, напр., петрографскій „Мальмезонский камей“, но бывають и пятислойные, какъ „камей кардинала Карпеня“. Не подлежитъ сомнѣнію, что такие камни, какъ яшма, агатъ и ониксъ, могли быть довѣряемы для обработки только выдающимся артистамъ, заявившимъ себя уже раньше замѣчательными работами, какими, очевидно, являются авторы знаменитыхъ камеевъ, оставшіеся, къ сожалѣнію, неизвѣстными... Это приводить къ мысли, подтверждаемой, впрочемъ, и писателями древности, что уже въ значительно позднѣйшую эпоху, въ первыя времена цезаризма и даже послѣ, въ Римѣ существовало не мало выдающихся художниковъ, могущихъ, соперничать съ такими знаменитостями Греціи, какъ Фидій и Скопасъ.

Что касается природной красоты самыхъ драгоцѣнныхъ камней, то Плиній приводить преданіе, по которому, якобы, Пирръ, царь Эпирскій, извѣстный своей „пирровой“ побѣдой надъ римлянами, обладалъ перстневой геммой съ такимъ негравированымъ агатомъ, на которомъ сама природа изобразила всѣ девять музъ, съ ихъ обычными атрибутами и среди нихъ Аполлона съ китарой (XXXVII, 3). Въ этой области вообще много легендъ.

* * *

Первыя геммы, какъ было сказано, произошли изъ Египта: на нихъ мы видимъ изображенія государственной египетской эмблемы — сокола, ureia и „полетъ“ (два крыла). Это преимущественно скарабеи, которыхъ много было открыто при раскопкахъ археолога *Cesnola* въ Камире на островѣ Кипрѣ. Изъ Египта обычай носить перстневые геммы быстро распространился на всемъ Востокѣ, главнымъ образомъ, въ Ассирии и Вавилонѣ, бывшихъ долгое время подъ властью египтянъ. Здѣсь появились геммы-талismanы, цилиндрическія и конусообразныя, впослѣдствіи, подъ влияниемъ культа Митры, еще такъ называемыя *Абраксовыя* геммы (отъ имени Абракса) символического характера, а еще позднѣе *Кассандровы* геммы и др. Отсюда онъ были усвоены финикийцами, распространившими ихъ по всему извѣстному тогда міру, привозившими ихъ къ евреямъ, знаявшимъ геммы еще изъ Египта, затѣмъ перевезшими геммы въ Грецію, а оттуда въ Италию. Такъ появились этрускія геммы, достигшія высокаго совершенства. Однако, вскорѣ выяснилось, что греческое искусство и въ области геммъ достигло такихъ успѣховъ, что навсегда закрѣпило за греческими граверами на камнѣ, или какъ ихъ называли „дактилографами“ (отъ дактилосъ — палецъ, въ зависимости отъ носимыхъ на пальцахъ геммовыхъ перстней), славу, наиболѣе искусственныхъ и непревзойденныхъ. Уже въ римскую императорскую эпоху въ Италии не переставало работать множество греческихъ артистовъ, имена которыхъ дошли до насъ, хотя и безъ всякихъ болѣе точныхъ о нихъ свѣдѣній. Насколько рано развилось въ Греціи это искусство, свидѣтельствуетъ легенда о знаменитомъ Поликратовомъ перстнѣ. На островѣ Самосъ геммы выдѣльывались одинъ изъ первыхъ *Mnезархъ*, отецъ извѣстнаго математика Пиегора. Послѣ него здѣсь образовалась цѣлая школа артистовъ-граверовъ, VII и VI вв., изъ

которой вышел знаменитый *Теодоросъ*. Ему приписывают изготовление знаменитого Поликрата перстня, имевшего громадную, по тогдашним временам, цену, исполненную изумрудом неизвестной еще величины. Гемма изображала квадриги или колесницу, запряженную четырьмя лошадьми, столь малых размеров, что муха могла закрыть ее своими крыльями. Это не было, однако, изображению ярко выделяться.

портретов царя красками. После смерти Александра искусство глиптики расцвело при Селевкидах и Птолемеях. Из этой эпохи происходит знаменитая „гемма Гонзаги“ (она же Мантуанская). Унас ее называют также „Мальмезонским камеем“, в память дворца Мальмезон в Париже, где эта гемма была подарена экс-императрице Жозефиной Императору Александру I, при посещении ее во время болезни в 1814 г. Этот превосходный, чудной работы, камей больших размеров (6,2 дюйма высоты на 4,6 д. ширины) представляет овальный, трехслойный *ониксъ*, на котором неизвестный, но, как видно по замыслу и высокой технике работы, первоклассный артист изобразил на темном фоне камня соединенные профили мужчины в шлеме и доспехах и женщины большой красоты, по мнению археологов, портреты Птолемея II Филадельфа (285—247 до Р. Хр.) и его сестры и жены Арсинои. Это тот самый царь Египта, который построил в порт Александрии знаменитый маяк, признанный одним из 7-ми чудес мира.

В Риме страсть к геммам особенно разилась после восточных походов Помпея и Лукулла, причем первым из них привезена была из М. Азии славившаяся во всем Востоке гро-

„Споръ Посейдона съ Авиной“: Посейдонъ замахивается на Авину камнемъ, Авина указывает рукою на ползущую въ ее защиту змѣю. Гемма парижского „Кабинета медалей“.

Гемма, изображающая Амура съ голубкомъ, съ надписью *Guay R.*, исполненная мадамъ де Помпадуръ и ея учителемъ Жакомъ Гюэ. (Парижский „Кабинетъ медалей“).

Гемма — портретъ Людовика XIV в золотой оправѣ, работы Жака Гюэ (Jacques Guay) — на халцедонѣ, XVII в. (Парижский „Кабинетъ медалей“).

Портретъ Августа, гемма окруженнная бриллиантами средневѣковой работы. (Парижский „Кабинетъ медалей“).

„Мальмезонский камей“ или „Гемма Гонзаги“ (Gemma Ganzaga), также „Мантуанская“: ониксъ, около 7 д. выши, съ профилями Птолемея II Филадельфа и его сестры и жены Арсинои. Эпоха послѣ Александра Македонскаго. (Императорскій Эрмитажъ въ Петербургѣ).

ся со всеми подробностями. Впрочемъ, еще гораздо раньше Поликрата греческая мифология приписывала инициативу ношения на пальцахъ перстня съ геммой Прометею, прикованному къ скалѣ Кавказа, у которого прилетавший орел Зевса клевалъ сердце. Весьма странно, что при всемъ томъ, о геммахъ нѣтъ ни помину въ произведеніяхъ Гомера, столь обстоятельно описывающаго, однако, мельчайшія подробности домашней обстановки древнихъ и ихъ быта.

Во времена Александра Македонского извѣстенъ былъ художникъ *Пирготелесъ*, получивший отъ гордаго царя привилегію на право исключительного изготавленія его портретовъ на геммахъ, подобно такой же привилегіи, данной живописцу Апеллесу относительно

мадная драгоценная коллекція Понтійскаго царя Митридата, свергнутаго Помпеемъ и лишившаго себя жизни. Въ это время въ Римѣ уже существовала большая коллекція геммъ *Скабра*, пасынка Суллы, которую, однако, затмили геммы Митридата. Римляне стали увлекаться не только ношениемъ геммъ съ изображеніемъ родовыхъ эмблемъ, чего-то въ родѣ теперешнихъ гербовъ, портретовъ и мифологическихъ сценъ, но также коллекціонированіемъ геммъ, и вскорѣ эта мода привела къ учрежденію богатыхъ общественныхъ коллекцій, обыкновенно приносимыхъ въ даръ храму или божеству. Такъ, Помпей, носящий на перстнѣ гемму съ трофеемъ, принесъ коллекцію Митридата въ даръ Капитолію. Юлій Цезарь, желавшій затмить своего соперника, подарилъ также всѣ собранныя имъ большія коллекціи геммъ храму своей патронессы Венеры-родительницы, имѣя самъ на перстнѣ ея изображеніе. Подобно тому, какъ Сулла носилъ гемму съ портретомъ покоренного Югурты, Меценатъ — лягушку, Августъ носилъ фамильный перстень съ изображеніемъ козерога, а Гальба, смѣнившій Нерона, такую же родовую свою гемму съ изображеніемъ собаки, выходящей изъ носа корабля, точь-въ-точь, какъ на средневѣковыхъ гербахъ, съ которыми геммы имѣютъ несомнѣнную связь, какъ сигиллистика (сфрагистика) вообще.

Во времена Августа, послѣдовательно носящаго разныя геммы — со сфинксомъ, надѣлавшимъ въ свое время много шума за свой странный символизмъ и подвергшися насмѣшкамъ, а потомъ съ своимъ портретомъ, особенно выдѣлился художникъ, грекъ по

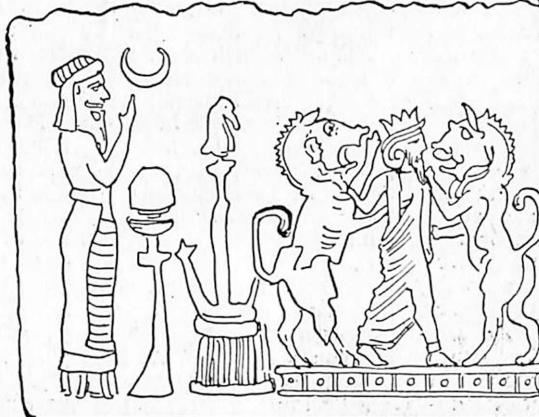
Финикийский скарабей — въ видѣ алатовой печати, съ египетскими эмблемами (соколъ и урей) и надписью финикийскими буквами: „Абд-бааль“. (Парижский „Кабинетъ медалей“).

фигурь (на Августовской — до 20-ти), всѣ мельчайшія подробности костюмовъ, черты лицъ, волосы, предметы исполнены съ удивительнымъ искусствомъ и, надо полагать, сходствомъ лицъ съ ихъ оригиналами. Это портреты Августа, Германика, Тиверія, а на Парижскомъ агатѣ — еще Ливія, Мессалина старшая, Друзъ II, Калигула. Такъ же точно поражаетъ тонкостью отлѣкъ „Гамбургскій ониксъ“, съ семействомъ Клавдія: Клавдій, Мессалина, а напротивъ — Тиверій и Ливія, — прекрасно исполненные портреты. Августовская гемма была привезена во Францию рыцарями — Тампіерами, нашедшими ее, якобы, въ Ерусалимѣ, но вѣрнѣе — похитившими ее при разграбленіи латинянами-крестоносцами въ 1204 г. геммовыхъ сокровищъ византійского двора. Она была куплена въ XVI вѣкѣ императоромъ Рудольфомъ II за 12000 червонцевъ. Что касается „Агата Тиверія“, то онъ былъ несомнѣнно похищенъ изъ сокровищницы византійскихъ императоровъ въ Константинополѣ и подаренъ Балдуиномъ Фландрскимъ французскому королю Людовику IX Святому. Константінъ В., перевезъ въ Константинополь большую часть собранныхъ въ Римѣ геммъ и здѣсь накопились громадныя богатства, сперва постепенно продававшіяся во время финансовой нужды, а подъ конецъ разграбленныхъ крестоносцами. Такъ разошлись геммы древняго міра по всѣмъ концамъ Европы. Въ средніе вѣка глиптика совсѣмъ упала и воскресла лишь въ эпоху Ренессанса, итальянского Cinquecento и XVI в., когда опять появились знаменитые граверы, какъ Пихлеръ отецъ и сыновья, ваятель Донателло, Нассаро, Ди-Кастель-Болонезе и самый древній изъ нихъ Пешія (Pescia). Выдѣлился также французъ de-Fontenay, болѣе извѣстный подъ именемъ Кольдорэ. Развитие глиптики было почти внезапно задержано въ XVII вѣкѣ эпохой распространившагося барокко, но вновь съ силою расцвѣло въ слѣд-

Этруссійский скарабей изъ сардоникса, изображающій раба на Поликлета, перевязывающаго себѣ ногу. Найдена во время раскопокъ въ Сардиніи. (Британск. музей).

Гемма работы Пихлера (новѣйшая эпоха), съ греческимъ означениемъ его имени (на оборотѣ), XV в. (Британск. музей).

Цилиндрическая Ассирио-Персидская гемма: жертвоприношеніе, царь борящійся съ двумя львами, у которыхъ человѣческія лица. Амулетъ въ видѣ печати. (Британск. музей).

Паста (гемма изъ массы), изображающая Менаду съ тирсомъ — въ изступленіи. (Британск. музей).

дующемъ XVIII вѣкѣ, покровительствуемое королями, аристократами и меценатами.

Кто не занимался тогда рѣзбой на драгоценныхъ камняхъ? Искусство это стали изучать многія знатныя лица, даже женщины. Такъ, мадамъ де-Помпадуръ училась ему подъ руководствомъ знаменитаго артиста въ этой области Жана Гюэ. У насъ успѣшио занималась тѣмъ же Великая Княгиня Марія Феодоровна, супруга Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича, учителемъ которой былъ извѣстный К. А. Лебрехтъ (1749 — 1827), бывший главный медальеръ С.-Петербургскаго Монетнаго Двора. Великой Княгиней изготовлены были превосходныя геммы на двухъ и трехслойномъ ониксѣ, находящіяся нынѣ въ коллекціи Императорскаго Эрмитажа: это

портретъ Императрицы Екатерины II въ шлемѣ въ видѣ Минервы, свой собственный портретъ и портретъ Павла Петровича. Камни вырезаны такимъ образомъ, что фонъ камня остается темнымъ,

„Августовская гемма“ (Gemma Augstea) изъ оникса, изображающая апоеозъ Августа: сверху Августъ на тронѣ, рядомъ съ богиней Рима; передъ нимъ Германикъ и сходящій съ колесницы Тиверій. Внизу солдаты, приготовляющіе триумфъ. Высота около 9 дюйм. (Вѣнскія коллекція).

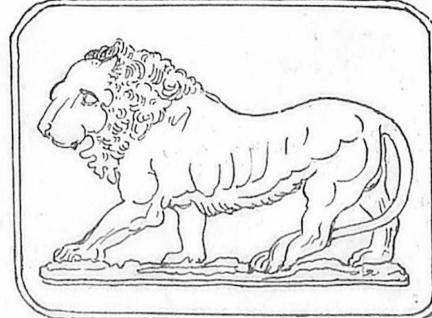
а на немъ въ верхніхъ, свѣтлыхъ слояхъ выгравированы лица (портреты).

* * *

Отдельную группу составляютъ геммы скабрезнаго содержанія, съ такъ называемыми „соблазнительными“ сюжетами композицій разнузданной языческо-античной фантазіи. Это, конечно, то нашимъ теперешнимъ понятіямъ и убѣжденіямъ... Не то было

Левъ, гемма итальянской работы. (Британск. музей).

въ древности, когда на это смотрѣли подъ инымъ угломъ зрѣнія. Эротическое воображеніе греческаго міра, конечно, не удобоваримо въ наше время и потому эта группа геммъ не поддается разсмотрѣнію иначе, какъ въ условіяхъ виѣ-цензурныхъ, т. е. не на страницахъ журнала... Это, къ сожалѣнію, устраняетъ отъ нашего наблюденія множество предметовъ, порою высокаго художества, которыемъ греческій античный міръ, близко стоявшій къ природѣ въ противоположность нашимъ исковерканіямъ взглядаѣ на естественныя проявленія человѣческой натуры, во-все не присваивалъ того запретнаго и предосудительного значенія, какое имъ придается современной культурѣ, отрѣшившейся отъ кровеносности въ дѣлахъ естественныхъ, оставаясь тѣмъ не менѣе столь же грубой, какъ и у нашихъ предшественниковъ. Любовно сплетенные въ душистыхъ рощахъ и садахъ благословенной Италии пары, на открытомъ воздухѣ, свободныя, красавыя и здоровыя, какъ все естественное, еще невыродившееся и не стѣсненное куцой условностью, широко пользовались природными наслажденіями физически развитаго тѣла, съ наивнымъ, но вполнѣ натуральнымъ увлеченіемъ, гармонирующіемъ съ ихъ вѣрованіями, полными поэзіи и радостей жизни. Ихъ не стѣснялъ ни въ чёмъ ни строгий аскетизмъ новыхъ вѣрованій, ни ложный стыдъ фарисеевъ. У насъ немыслимо говорить обѣ интересныхъ геммахъ и многихъ иныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, старательно профильтрованныхъ, какъ для институтскаго чтенія (напр. Овидій, Ювеналь, Марціаль), завѣшиаемыхъ вуалью скромнаго лицемѣрія, подобно тѣмъ смѣшнымъ прибавленіямъ Ватиканскаго музея, которыя испортили такое множество великолѣпнѣйшихъ статуй древности изъ за неумѣстной религіозной стыдливости щепетильнаго и мелочного папы Пія VII Кіарамонти (1800—1823). Это не помѣшало, однако, такой несообразности: ко времени суетѣнаго отношенія невѣжественныхъ патеровъ къ геммамъ, какъ къ талисманамъ и амулетамъ (схоластика), относится поднесеніе однимъ изъ каролингскихъ князей сокровищницѣ аббатства Сенъ Дени подъ Парижемъ, усыпальницы королей, знаменитой геммовой вазы, такъ наз. *Cantarie Dionysiaque*, хранящейся нынѣ въ луврскомъ Cabinet des mÃ©daillles. Это самая большая чаша изъ сардоникса изъ доселѣ извѣстныхъ. Несмотря на соблазнительные вакхические сюжеты, тщательно выгравированные на ея поверхности, она впродолженіе многихъ столѣтій, вплоть до великой революціи (когда аббатство подверглось разрушенню и разграбленію), не пе-

реставрирована служить церковной дарохранительницей и чашей, изъ которой пріобщали въ таинствѣ Причастія вѣрующихъ.

* * *

У насъ въ Россіи, какъ и на западѣ, существуетъ еще не одна коллекція геммъ среди богатыхъ собирателей, владѣльцевъ старинныхъ фамильныхъ замковъ и дворцовъ съ ихъ картинными галереями и фамильными рѣдкостями. Но, какъ бы то ни было, большинству теперь приходится ограничиваться въ лучшемъ случаѣ хорошими копіями, приготовленными помощью смѣси изъ гипса и воска. Существуютъ также стеклянныя геммы, особенно въ Италии, нерѣдко превосходной работы. Что касается самой техники исполненія рисунковъ на камняхъ, то, какъ было сказано, она мало измѣнилась съ древнѣйшихъ временъ и какъ тогда ограничивается все еще цѣлой системой острыхъ и закругленныхъ металлическихъ стержней, которыми, помощью приспособленій съ передаточными ремнями, придаютъ быстрое врачающее движение и соприкасаются осторожно съ камнемъ, постепенно выдалбливая на немъ рисунокъ, предварительно вылѣпленный изъ воска. Приступаютъ къ работе этой, смазывая концы инструментовъ масломъ, обматывая ихъ ватой и протирая тѣ или другія мѣста наждачнымъ порошкомъ. Пихлеръ изготавлялъ одну гемму впродолженіе шести лѣтъ; надо полагать, что многія знаменитыя геммы древности стояли не мало времени добросовѣстнымъ и терпѣливымъ своимъ авторамъ. Что касается разныхъ надписей на геммахъ, то, не говоря уже о томъ, что множество таковыхъ является апокрифическими, разсчитанными на легковѣріе пріобрѣтателей геммъ въ древности, осталъя достовѣрныя надписи въ однихъ случаяхъ приводятъ имя автора геммы, художника, а въ другихъ, согласно указанію извѣстнаго археолога Стефани, автора отчетовъ о геммахъ Императорскаго Эрмитажа, означаютъ: название изображений и ихъ содержаніе, имена владѣльцевъ геммъ и имена жертвователей геммъ храму (приводится всего лишь одна такая гемма). Въ наше время геммы давно уже не выдѣлываются, ограничиваясь прошлыми образцами. Текущая глиптика, перешедшая въ ремесло, довольноется, обыкновенно, рѣзьбой на камнѣ печатей и гербовъ, хотя и въ высшей степени художественно исполняемыхъ. Особенно

этимъ искусствомъ славится Парижъ. Однако, не исключена возможность нового и скораго возврата общества къ этой, почти забытой, области древняго искусства.

Владиміръ Бѣлинскій.

Ониксовый камей — Августъ на тронѣ, рядомъ съ боиной Рима (Рома).
Вѣнская коллекція.

“Гемма Клавдія” — ониксовый камей изъ вѣнской коллекціи: семейство императора Клавдія. Слѣва Клавдій и Мессалина, справа Тиверій и Лівія.
(11 сант. шир. × 8 сант. выш.).

Портретъ Александра Македонскаго — голова, окруженнай солнечнымъ сіяніемъ; карнеолевая гемма, работы привилегированнаго царскаго дактилографа Пиротелеса.
(Британскій музей).

Древне-персидская (Сассанидова) гемма на гиацинѣ, съ головою царя изъ династіи Сассанидовъ, съ надписью на древне-персидскомъ языке.
(Британскій музей).

Камей изъ сардоникса — съ головой Актеона.
(Британскій музей).

Византійская гемма съ изображеніемъ Св. Георгія и греческой надписью „Георгій“.
(Британскій музей).

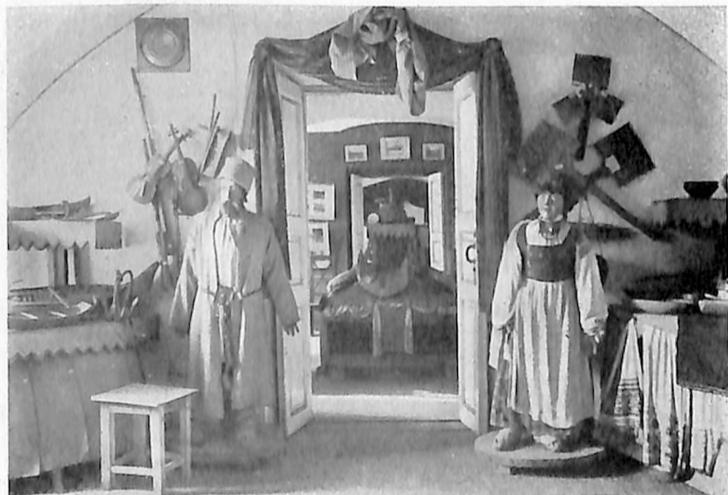

Датскій отрядъ Краснаго Креста въ Петроградѣ.

Доктора: М. Р. Бейлефельдъ, А. А. Рисей, Ф. Ф. Гильтерманъ, П. В. фонъ-Равенъ. Предсѣдательница Л. Н. Геемекаръ-Заремба. Администраторъ Г. М. Виссеръ-Гоофть. Сестры милосердія: Е. К. Стембергъ, А. И. Фортеинъ, К. В. Гингманъ, А. И. де Іонгъ, І. А. Салтеть, І. Г. Губоз, Е. Б. Тенъ-Вююггенката, М. Г. Дебра, Г. Г. Шиферъ-Деккеръ, Т. К. фонъ-Кетель, Е. М. Могилисъ. Санитаръ П. Р. Блемингъ.

Музей церковной старины Могилевской губерніи, въ зданіи бывшаго Бернардинскаго монастыря.

Музей Бѣлоруссіи; въ глубинѣ—тронь-кресло Екатерины II, на которомъ она сидѣла при пріемѣ германскаго принца, пріѣзжавшаго сюда.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

Соборъ Св. Іосифа и брама (арка) Екатерины II.

Людм. Ив. Шольпъ,
членъ комитета помощи больнымъ и ра-
ненымъ лазарета Привислянск. жел. дор.
Награждена Георгіевск. мед.

Елиз. Павл. Хвошинская,
рожд. Косаговская, Попечительница и завѣ-
дующая хозяйствомъ въ Деражнянскомъ ла-
заретѣ Краснаго Креста, Подольской губ.

Ольга Дмитр. Батурина,
нагр. Георгіевской медалью 4-й степ.
и золотой Анненской медалью.

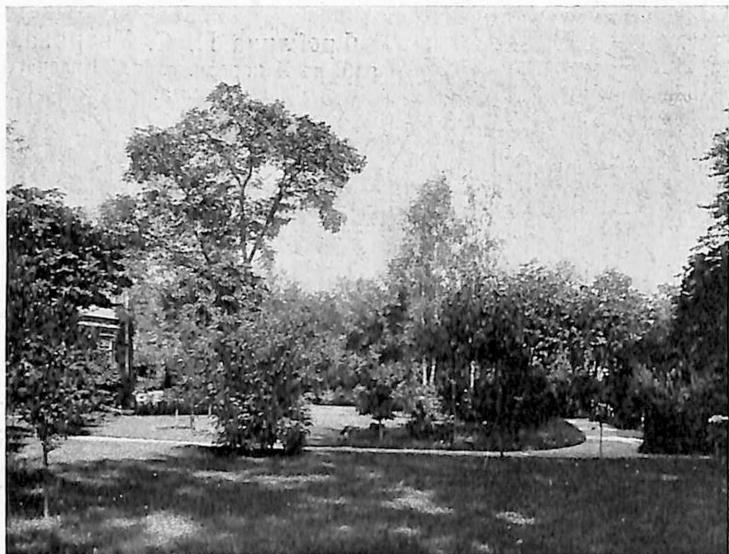
Н. П. Иванова,
рожд. фонъ-Брадке.
Предсѣдательница Александровского
Общества въ Симбирскѣ.

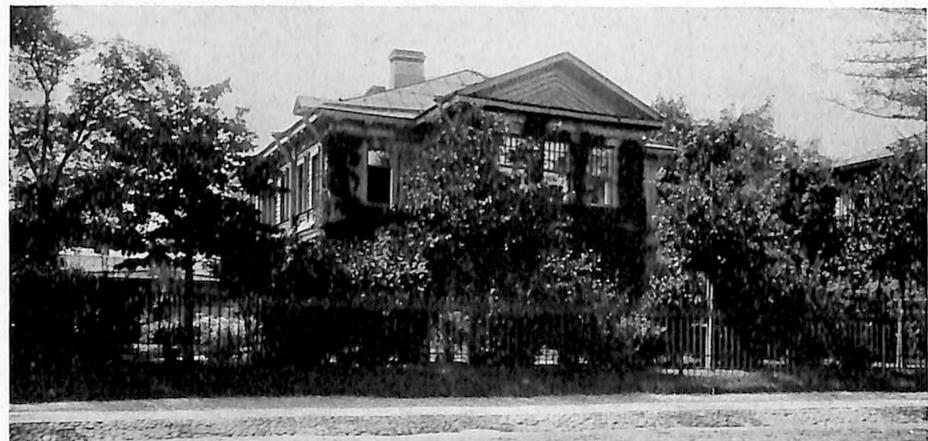
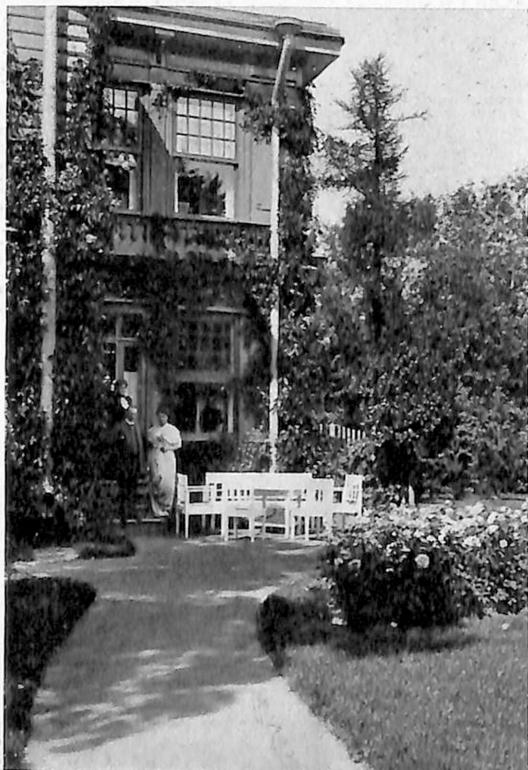
О. Я. Персіянова.
Казначей Александровского
Общества въ Симбирскѣ.

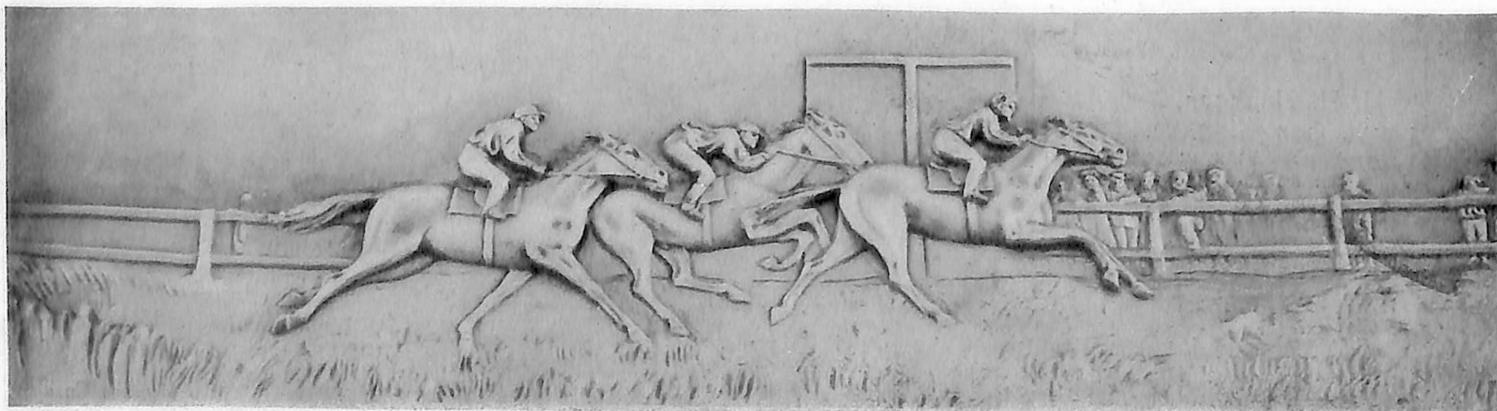
Княгиня Юл. К. Кугушева,
работаетъ въ русскомъ лазаретѣ
въ Парижѣ
(въ Hotel'ѣ Carlton).

ОСОБНИКЪ Ю. М. КЕТНИЦА
ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѦ.

Барельефы на стѣнахъ „выводного зала“ въ конюшняхъ И. А. Манташева.
Эти конюшни находятся около Петровского парка въ Москвѣ и выстроены были съ изысканной роскошью. Въ настоящее время И. А. Манташевъ продалъ свою скаковую конюшню и пересталъ заниматься этимъ спортомъ, обошедшися ему въ крупную сумму, а эти знаменитыя конюшни остаются его собственностью.

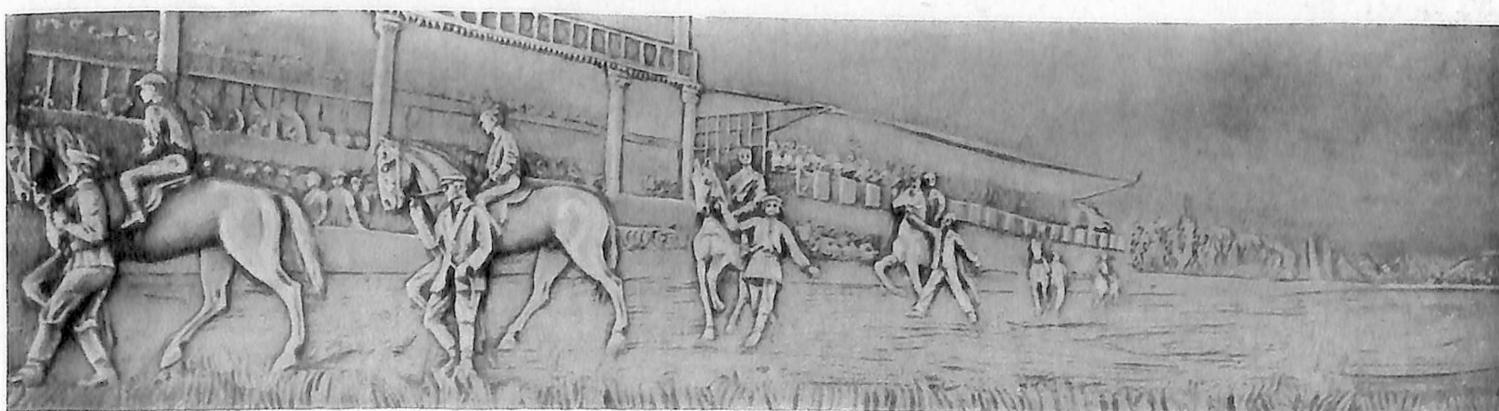
ОСОБНИКЪ
В. Ф.
ЧАРНЕЦКАГО
ВЪ КІЕВѢ.

Пригородная усадьба В. Ф. Чарнецкаго, въ живописной части Киева, называемой „Лукьяновка“.

Изъ усадьбы открывается красивый видъ на городъ и Днѣпръ. Домъ находится въ центрѣ участка, а все свободное пространство

занято садомъ, въ которомъ посажены разнообразныя породы рѣдкихъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ, красиво размѣщенныхъ. Вокругъ бассейна на искусственныхъ скалахъ—альпійскія растенія, мхи и папоротники. Лѣтомъ садъ пестрить цвѣтами.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

... Ты знаешь, сколько нашъ Шишкинъ можетъ выпить?!. Онъ перепивалъ весь полкъ. Англосаксы, наконецъ, обозлились и рѣшили его доконать.

Сдѣлали заговоръ: рѣшено было поить его всѣмъ по очереди, по системѣ. Шишкинъ долго держался, но въ концѣ концовъ, по-нятно, свалился и заснула какъ мертвый. Тѣ тоже были уже всѣ пьяны. Рѣшили Шишкина похоронить! Раздѣли его до гола и выкрасили сажей въ полосы, какъ тигра.. Потомъ положили на столъ, зажгли кругомъ свѣчи и пѣли. Но подъ утро нужно было отправить домой. Оказалось, что никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ... Кто-то вспомнилъ адресъ его хорошихъ знакомыхъ, мистера Г. Повезли его туда, внесли на террасу въ саду и положили тамъ, подложивъ ему подъ голову чье-то пальто. Спяни они забыли, что дочь Р.—невѣга Шишкина! Миссъ встала раньше всѣхъ, вышла на террасу и увидѣла своего жениха полосатаго, какъ тигра...

Свадьба понятно разстроилась, такъ какъ миссъ Р. была увѣрена, что всѣ russkіе такие полосатые, и заявила, что она не желаетъ имѣть полосатыхъ дѣтей...

* * *

— Для того, чтобы быть докторомъ или адвокатомъ, нужно учиться и получить дипломъ: для того, чтобы быть редакторомъ журнала—ровно ничего не нужно...

— Совершенно вѣрно! На днѣхъ я встрѣтилъ барышню—гдѣ-то учились, ничего не кончила, пробовала писать въ газеты и журналы, ничего не вышло, тогда она сдѣлалась редакторомъ и издаєтъ журналъ. Говорить, что идетъ превосходно...

— Это не исключитель-

ное явленіе... Вообще для редактора никакою ценза не требуется, включая и цензъ талантливости... А казалось бы, что это прежде всего должно быть наиболѣе образованный человѣкъ...

— Зато какъ это сильно отражается на изданіяхъ, какой величайшей безграмотностью, безвкусіемъ и пошлостью часто вѣтъ отъ нихъ...

— Это измѣнится скоро. Приглашеніе извѣстнаго критика Измайлова редакторомъ „Петроградскаго Листка“ чуть не на 36.000 жалованья,—только первая ласточка... Но что удивительно: когда какой-нибудь малограмотный комиссіонеръ зарабатываетъ 136 тысячъ—это никого не удивляетъ, а когда человѣку, всю жизнь создававшему свой умственный капиталъ, даютъ 36.000 въ годъ—всѣ ахаютъ... Да, самый маленький дивидендъ пока даетъ мозговой капиталъ.

— Это измѣнится скоро...

* * *

Семья англійскихъ бульдоговъ, третій слѣва—„папаша“. Въ усадьбѣ „Михайловка“, Лебединскаго у., Харьковской губ., графа Ал. В. Капниста.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“.

* * *

...Несколько лет назад я встретил въ Монте-Карло Ивана П.-К. Онъ когда то былъ такъ же богатъ, какъ и два его брата, но умудрился при помощи женщины и собственного старания въ теченіе несколькихъ лѣтъ проиграть въ баккарамилюновъ семь или восемь. Я его встретилъ уже тогда, когда у него ничего не было, и все-таки онъ какъ-то жилъ. Въ минуты откровенности онъ говорилъ, не умывая:

— „Гдѣ рѣка текла, тамъ всегда мокро будетъ“...

И действительно, было мокро, жиль и посейчасъ живеть.

Одинъ изъ петроградцевъ услышалъ отъ меня этотъ пародъ и тоже имъ уговаривается теперь, когда почти ничего не остается...

— Это вѣрно! Я помню, кто-то рассказывалъ, что онъ считаетъ себя достаточно обеспеченнымъ человѣкомъ, такъ какъ у него три миллиона долгъ... У кого есть три миллиона долгъ, у того всегда найдется, на что жить.

— Недаромъ говорятъ, что сдѣлать долгъ въ десять миллионовъ гораздо труднѣе, чѣмъ нажить десять миллионовъ...

* * *

— Я не понимаю программы вашего журнала: иногда вы печатаете усадьбы дѣйствительно большого художественного интереса, а другой разъ какая-то ничтожная и безвкусная постройки только потому, что онѣ не въ городѣ, а въ деревнѣ.

— Именно это и важно, что онѣ въ деревнѣ, а не въ городѣ. Каждая, даже самая маленькая и даже безвкусная усадьба—это культурный уголокъ на нашей громадной русской равнинѣ. Чѣмъ больше такихъ уголковъ, тѣмъ быстрѣе пойдетъ культура равнинъ. Важны не только художественные собрания и дворцы Гвардии, но важно всяко болѣе или менѣе культурное гнѣздо среди духовнаго пустыря. Чѣмъ больше будетъ любви и влечения къ этому своему гнѣзду, тѣмъ скорѣе цивилизуется равнина... И вы замѣтите, что чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ больше у него пробуждается стремленія имѣть непремѣнно свой уголъ, хотя бы маленький, мизерный, даже безвкусный, ибо вкусъ достояніе избранныхъ...

* * *

— Въ послѣднее время я все больше и больше прихожу къ выводу, что никоимъ образомъ не нужно находиться подъ влияниемъ чыхъ-либо мнѣній, не нужно искать какихъ-либо авторитетовъ и наиболѣе освѣдомленныхъ людей и стараться думать такъ, какъ они думаютъ. Наиболѣе освѣдомленные люди часто понимаютъ положеніе менѣе другихъ, а самыя авторитетныя мнѣнія бываютъ нерѣдко наиболѣе глупыми. Нужно учитывать, по возможности, наибольшее количество фактовъ и самому дѣлать изъ нихъ выводы. Нужно слушать всѣ мнѣнія кругомъ, и болѣе, и менѣе авторитетныя, но создавать только свое мнѣніе. Нѣть истины въ чужомъ мнѣніи, нужно имѣть свое! Свое мнѣніе всегда правильнѣе, глубже и умнѣе, чѣмъ чужое. Люди тѣмъ и отличаются другъ отъ друга, что одни живутъ чужими умомъ, а другіе своимъ; своимъ живутъ умные, а чужими живутъ глупые. Сильный человѣкъ долженъ протестовать мысленно противъ всякаго чужого мнѣнія, онъ не долженъ съ нимъ соглашаться ни въ какомъ случаѣ. Можетъ быть въ результатѣ своихъ размышлений онъ самъ придется приблизительно къ такому же мнѣнію и можетъ его оставить себѣ, но это уже его собственное, а не принятное на вѣру

отъ другого только потому, что этотъ другой считается авторитетомъ. Авторитеты создаются мнѣніемъ толпы, большинства, а этотъ приговоръ всегда жалко посредствененъ... Что можетъ быть тусклѣе мнѣнія толпы? Это отнюдь не разрушение авторитетовъ, это протестъ противъ вѣры. Тамъ, где долженъ работать мозгъ, тамъ не мѣсто вѣрѣ; тамъ нужно движение мозговыхъ клѣточекъ, а не бабья вѣра. Вѣра хороша въ церкви, въ религіи, тамъ, где размышленіе привело бы къ абсурдности, тамъ и не нужно разсуждать, но зато во всемъ остальному вѣра есть величайшее зло. Лучше свое самое глупое, чѣмъ вѣра въ чужое самое умное!...

— Говорите прямо, какая женщина вѣсть обманула?.. Это лучше, чѣмъ одѣваться въ тогу демона-разрушителя.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ статьѣ „Перстень Сердюка“ въ № 57 „Столицы и Усадьбы“ имѣется небольшая неточность. Тамъ упомянуто, что дѣйствительный камергеръ и генераль-поручикъ Мих. Ив. Сафоновъ былъ женатъ на племянницѣ императрицы Елизаветы, графинѣ Марфѣ Симоновнѣ Гендриковой (1727—1754), между тѣмъ, какъ она была двоюродной сестрой императрицы, дочерью брата Екатерины I. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г., въ письмахъ Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву, приводятся слѣдующія любопытныя слова императрицы Елизаветы. Однажды М. С. Сафонова пожаловалась государынѣ, что мужъ прибилъ ее; Елизавета посадила Сафонова на три дня подъ арестъ, сказавши: „Мужъ имѣть право быть жену, но никто не смѣеть быть двоюродной сестрой императрицы“...

Въ письмѣ А. В. Олсуфьеву Екатерина II велѣла ему написать указъ объ увольненіи М. И. Сафонова со службы съ награжденіемъ ранга (въ Москвѣ, 14 апрѣля 1763 г.).

M—85.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

ДѢТСКОЕ ОЛИВКОВОЕ
МЫЛО

А ЭНГЛУНДЪ

Для предупреждения поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Петроградской Косметической Лабораторіи, которыхъ имѣются на всѣхъ этикетахъ.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ.

Главный складъ для Россіи
А. ЭНГЛУНДЪ.
Пт., Новодеревенск. наб. 15.

Лучшія АНГЛІЙСКІЯ ДАМСКІЯ БЛУЗЫ удостоенныя высшей награды.

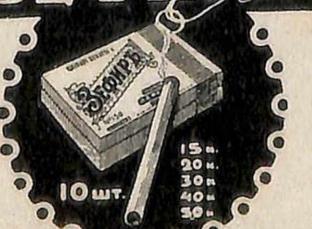
П. С. КУЗНЕЦОВЪ.

Невскій пр. № 66, противъ Аничков. дворца.

Магазинъ отдѣленій не имѣетъ.

ПАПИРОСЫ

ЗЕФИРЪ

10 шт.
15.
20.
30.
40.
50.

ТВАЛАФЕРМЪ
ПЕТРОГРАДЪ.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club

Nº 40. NEVSKY. Nº 40.

TELEFON 58-24.

PIJAMAS

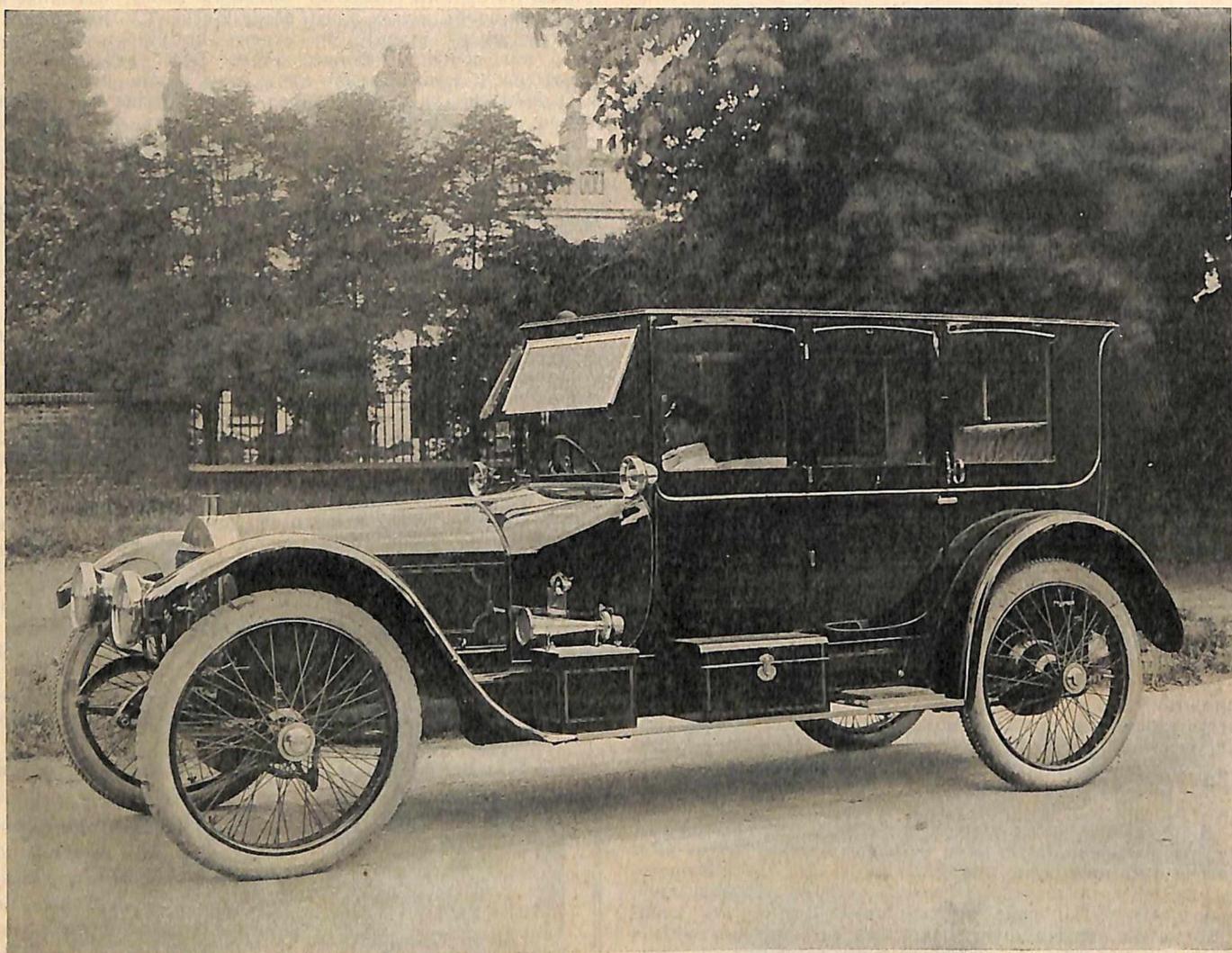
ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ПСЕГО МИРА. ВЪСПОРОНО РАДИ КАЛЬНО УДЛЯЕТЪ ВЕСНИЧКИ, УГРЫ, ПЯТНА, ЗАГЛЯ МОРЩИНЫ НАДОБНОСТИ ЛИЦА.

Kazimi

Его Величества Короля Угандского шестицилиндровый безшумный Напіерскій автомобиль со специальнымъ „колоніального“ типа высокимъ шасси, приспособленнымъ для ѿзда по примитивнымъ дорогамъ средней Африки и королевства Угандскаго. Кароссери типа „рояль-салонъ“.

АВТОМОБИЛИ

NAPIER

очень популярны среди африканскихъ и индійскихъ властелиновъ, что доказывается слѣдующимъ спискомъ постоянныхъ заказчиковъ „Napier“:

H. M. The King of Siam
H. M. The King of Uganda
H. M. The Queen of Siam
H. M. The Chief of Manavada of Kathiawar
H. H. The Maharajah of Idar, India
H. H. The Nizam of Hyderabad

H. H. The Nawab Babadur, India
H. H. The Maharajah of Tikari, India
H. H. The Maharajah Scindia of Gwalior, India
Rajah of Kanika, India
H. E. Earl Minto, Viceroy of India.

Если кромѣ высокопоставленныхъ лицъ и высшей аристократіи Англіи превосходная качества Напіерскихъ машинъ отмѣчаются властелинами и высокопоставленными лицами Африки, Индіи и другихъ частей свѣта, то, безусловно, автомобили „Napier“ должны быть самыми подходящими и для русскихъ дорогъ.

Если Вы хотите получить автомобиль „Napier“, то поспѣшите внести Ваше имя въ очередные списки Напіерскихъ заказчиковъ.

О-во НАПІЕРСКІХЪ заводовъ
D. NAPIER & SON LIMITED.
14, New Burlington St.,
London W.

Гл. уполномоченный для Россіи
Д. Л. ГОТАРРЕСЪ-де-ЛАРА.
Петроградъ, Церковная 33.
Телефонъ 140-52.

Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры

„ТРЕУГОЛЬНИКЪ“

Правление Товарищества имѣеть честь довести до свѣдѣнія гг. пайщиковъ, что разрѣшенный Правительствомъ дополнительный выпускъ паевъ Товарищества будетъ произведенъ, согласно постановленію Общаго Собрания гг. пайщиковъ отъ 26 мая с. г. въ количествѣ девяносто тысячъ паевъ на нарицательную сумму 9.000.000 рублей, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Выпускная цѣна каждого изъ новыхъ паевъ опредѣляется въ двѣсти рублей, изъ коихъ сто рублей поступаютъ въ основной капиталъ и сто рублей—въ запасный капиталъ предпріятія.

2. Выдача дивиденда по новымъ паямъ будетъ производиться за 1916 г. —по расчету съ 1 июля с. г., т. е. за шесть мѣсяцевъ, а послѣдующіе годы—на равныхъ основаніяхъ съ паями предыдущихъ выпусковъ.

3. Право преимущественного приобрѣтенія выпускаемыхъ новыхъ паевъ предоставляется владѣльцамъ паевъ, нынѣ находящихся въ обращеніи, въ количествѣ трехъ новыхъ паевъ на каждые семь паевъ прежнихъ выпусковъ.

4. Пайщики, желающіе получить пай нового выпуска, должны, начиная съ 1 сентября с. г. и не позднѣе 2 часовъ дня 28 сентября с. г., представить въ Петроградскій Учетный и Ссудный Банкъ въ Петроградѣ, при соотвѣтствующихъ заявленіяхъ, имѣющіеся у нихъ подлинные пай прежнихъ выпусковъ, для наложенія штемпеля и одновременно произвести оплату приобрѣтаемыхъ новыхъ паевъ полностью. При этомъ въ подаваемыхъ заявленіяхъ должно быть оговорено, что представляемые пай прежнихъ выпусковъ не принадлежать кому либо изъ подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ.

5. Пайщики, не заявившіе до 28 сентября с. г. включительно о своемъ желаніи приобрѣсти пай нового выпуска или не оплатившіе таковыхъ, теряютъ право на ихъ полученіе.

6. Пайщики, желающіе принять участіе въ дополнительной разверсткѣ тѣхъ паевъ нового выпуска, которые могутъ остаться неразобранными своевременно другими владѣльцами паевъ прежнихъ выпусковъ, приглашаются обѣ этомъ заявить Петроградскому Учетному и Ссудному Банку въ Петроградѣ, также не позднѣе 28 сентября с. г. Оставшіеся пай будутъ дополнительно распределены между заявившими о томъ пайщиками, соразмѣрно количеству представленныхъ ими паевъ прежнихъ выпусковъ. О числѣ причитающихся на долю каждого по дополнительной разверсткѣ новыхъ паевъ, гг. пайщики будутъ извѣщены особыми увѣдомленіями, посыпаемыми по адресу, указанному въ заявлѣніи; при этомъ оплата дополнительныхъ паевъ должна быть произведена не позднѣе 2 часовъ дня 12 октября с. г. въ Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ въ Петроградѣ.

7. По уплатѣ слѣдующихъ за новые пай суммъ, приобрѣтателямъ ихъ выдаются именные временные свидѣтельства, которыя будутъ обмѣнены на подлинные новые пай по изготавленію послѣднихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правление Товарищества доводитъ до свѣдѣнія гг. пайщиковъ, что, согласно постановленію того же Общаго Собрания отъ 26 мая с. г., одновременно будетъ выдано гг. пайщикамъ изъ особо-запаснаго капитала, находящагося въ распоряженіи пайщиковъ, по 40 рублей на каждый изъ паевъ прежнихъ выпусковъ. Для полученія этихъ суммъ, гг. пайщики, за исключеніемъ лицъ, состоящихъ подданными воюющихъ съ Россіей державъ, благоволять представлять въ Петроградскій Учетный и Ссудный Банкъ въ Петроградѣ, начиная съ 23 сентября с. г., при соотвѣтствующихъ заявленіяхъ, имѣющіеся у нихъ пай для наложенія штемпеля о выдачѣ указанной суммы.

СОСТОЯНИЕ СЧЕТОВЪ
СИБИРСКАГО ТОРГОВАГО БАНКА
на 1-ое августа 1916 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Андиканѣ, Архангельскѣ, Барабинскѣ (Томской губ.), Барнаулѣ, Бирскѣ, Бийскѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнегурьевскѣ, Виндавѣ, Владивостокѣ, Вѣрномъ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 января по 24 февраля), Иркутскѣ, Камнѣ (Томской губ.), Кокандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанайѣ, Минусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 июля по 31 августа), Никольскѣ-Уссурийскомъ, Ново-Николаевскѣ, Одесѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинской обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Саратовѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбург. губ.), Тюменѣ, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ — на Калашниковской Биржѣ и при Скотопромышленной и Мясной Биржѣ и въ Москвѣ — близъ Мясной Биржи въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчье, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл., на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Комиссионеры: на Зѣ-пристани, въ Кансѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ и Амурѣ, и городскіе: въ Петроградѣ — на Знаменской площади и въ Москвѣ — на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		Всего.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Активъ:						
Касса: наличность и текущіе счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ	6.528.176	86	11.957.151	56	18.485.328	42
Учетъ векселей, торгов., обязат., тиражныхъ цѣн, бум. и текущ. купоновъ	44.469.648	16	31.474.614	62	75.944.262	78
Ссуды подъ обезпечениемъ	95.555.733	71	63.598.052	47	159.153.786	18
Покупка золота и драгоцѣн. метал., прин. Банку, тратты изъ загр. мѣста и иностр. денежн. знаки	1.996.243	96	468.437	10	2.464.681	06
Цѣнныя бумаги, принадлежащія Банку	11.212.675	04	9.732.479	46	20.945.154	50
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	—	—	115.631.562	30	115.631.562	30
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (loto)	202.672.736	95	11.319.028	85	213.991.765	80
2. По счетамъ Банка (nostro): спонд. суммы въ распор. Банка. Протестованные векселя и торгов. обязательства	12.341.885	37	352.683	46	12.694.568	83
Проечночные ссуды	12.879	82	283.181	66	296.061	48
Текущіе расходы	56.894	46	308.409	89	365.304	35
Расходы, подлежащіе возврату	1.086.755	24	1.960.311	77	3.047.067	01
Недвижимое имущество	—	—	19.072	57	19.072	57
Движимое имущество, обзаведеніе и устройство	3.779.213	63	2.287.623	36	6.066.833	99
Переходящія суммы	154.995	64	499.537	32	654.532	96
И Т О Г О .	384.103.204	86	253.608.835	47	637.712.040	33
Пассивъ:						
Складочный капиталъ	20.000.000	—	—	—	20.000.000	—
Запасный капиталъ	10.000.000	—	—	—	10.000.000	—
Запасная прибыль	1.000.000	—	—	—	1.000.000	—
Запасный дивидендъ	4.000.000	—	—	—	4.000.000	—
Вклады: на текущ. счета, безсрочные и срочные	129.973.238	72	232.270.325	58	362.243.564	30
Капиталъ погашения затратъ по недв. имущ. Банка	294.562	02	384.221	78	678.783	80
Долгъ Государств., Банки:						
1. По спец. сч. подъ векс. и %/о бумаги.	—	—	351.246	55	351.246	55
2. По переучету векселей	—	—	3.381	—	3.381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	111.609.363	13	—	—	111.609.363	13
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (loto); свободныя суммы въ распоряжен. корресп.	66.269.764	96	3.354.572	37	69.624.337	33
2. По счетамъ Банка (nostro): суммы, оставлены за Банкомъ	29.076.725	56	1.053.929	75	30.130.655	31
Акционерными тратты	530.726	38	1.650.947	44	2.181.673	82
Невыплачены, по акц. Банка дивиденды	519.856	83	—	—	519.856	83
Проценты, подлежащіе уплатѣ по текущимъ счетамъ и вкладамъ	2.342.972	21	4.459.186	67	6.802.158	88
Получен. %/о и комиссіи						
за исключ. %/о, начисл. по вкладамъ и текущ. счетамъ	5.587.909	40	2.469.575	60	8.057.485	—
Переходящія суммы	2.898.585	05	7.611.448	73	10.510.034	38
И Т О Г О .	384.103.204	86	253.608.835	47	637.712.040	33
Цѣнности на храненіи	163.614.943	80	116.133.938	14	279.758.932	—
Векселя на комиссіи	6.942.556	03	20.592.511	16	27.535.007	84
Номинальная стоимость акцій Р. 250.						
Уплата дивиденда производится въ Прѣдѣлахъ Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.						

НОВЫЙ
25-00

**РУССКОЕ АКЦ. О-ВО
АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ
ПРАВЛЕНИЕ—Б. КОНЮШЕННАЯ 25.**

**СОСТОЯНИЕ СЧЕТОВЪ
Петроградскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка.
по 31-ое Июля 1916 года.**

**ПРАВЛЕНИЕ БАНКА въ Петроградѣ, ОТДѢЛЕНІЯ: въ Кіевѣ, Ростовѣ-на-Д.,
Таганрогѣ, Бѣлой-Церкви, Черкасахъ и агентство въ Смѣль.**

АКТИВЪ.	Въ Петроградѣ.		Итого.
	Руб. К.	Руб. К.	
Касса и тек. сч.	1,491,975 64	1,913,816 85	3,405,592 49
Учетъ векселей и др. цѣнностей	30,570,477 62	10,108,895 43	40,679,373 05
Ссуды подъ обезпеч.	25,561,919 93	11,228,660 06	36,790,579 99
Цѣнныя бум. прин. Банку	12,049,992 39	228,275 04	12,278,267 43
Иностр. векселя и монеты	34,510 95	1,734 03	36,244 98
Корреспонденты Банка:			
1. Loro	182,976,826 49	1,104,030 85	184,080,857 34
2. Nostro	3,091,050 32	1,344,893 56	4,435,943 88
Отдѣления Банка	—	19,734,133 77	19,734,133 77
Векселя, прин. на инкассо	7,775,185 44	6,172,980 24	13,948,165 68
Текущіе расходы	552,885 27	300,391 12	853,276 39
1916 г.			
Недвиж. имущество	2,400,000 —	944,000 —	3,344,000 —
Государ. промысл. налогъ	351,445 84	—	351,445 84
Переходящ. суммы	278,004 84	335,757 64	614,662 48
Руб.	267,135,174 73	53,417,368 59	320,552,543 32
ПАССИВЪ.			
Складочный капиталъ (10,000 акцій по Р. 250)	25,000,000 —	—	25,000,000 —
Запасный капиталъ	8,333,333 33	—	8,333,333 33
Особый резервн. капиталъ	4,166,666 67	—	4,166,666 67
Остатокъ прибыли	300,000 —	—	300,000 —
Вклады и текущ. счета	114,253,977 78	36,261,589 29	150,515,567 07
Корреспонденты Банка:			
1. Loro	84,323,497 09	5,780,096 55	90,103,593 64
2. Nostro	1,763,596 46	681,128 77	2,444,725 23
Отдѣления Банка	16,058,554 80	1,461,681 59	17,520,236 39
Векселя на инкассо	7,775,185 44	6,172,980 24	13,948,165 68
Акцептов. траты и переводы къ оплатѣ	949,406 38	146,762 66	1,096,169 04
Непылачен. дивиденды	234,239 —	—	234,239 —
% и комиссіи въ 1916 г. Р. 5,788,227 94			
За выч. % по тек. сч. и вклад. Р. 2,867,656 79	2,365,092 84	555,479 31	2,920,572 15
Переходящи суммы	1,611,624 94	2,357,650 18	3,969,275 12
Руб.	267,135,174 73	53,417,368 59	320,552,543 32

